

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

I. НАЦИОНАЛЬНАЯ СИЛА: МОДЕЛИРОВАНИЕ, ОЦЕНКА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

II. ГИПОТЕЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Материалы заседания
24 июня 2023 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Бахтизин Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
директор Центрального экономико-математического
института РАН

Момджян Карен Хачикович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

НКС ООИ РАН

Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

**Национальная сила: моделирование,
оценка и практическое применение.**

**Гипотеза общественного прогресса:
аргументы «за» и «против»**

Материалы заседания 24 июня 2023 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2024

УДК [[338.1:330.52]+316.422.42](470+571)(063)

ББК 65.9(2Рос)-04я431+60.032.611я431

НЗ5

Национальная сила: моделирование, оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против»: материалы заседания 24 июня 2023 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук; Ассоциация российских банков; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. — 179 с. — ISBN 978-5-6050844-0-2

В сборнике опубликованы два органично дополняющих друг друга доклада о проблемах, которые серьезным образом влияют и на положение государства на международной арене, и на многие другие обстоятельства нашей повседневной жизни.

Первый доклад — об индикаторе национальной силы, комплексном индексе, отражающем наиболее значимые показатели развития и потенциал страны. Среди основных факторов национальной силы автор доклада чл.-корр. РАН, директор Центрального экономико-математического института А.Р. Бахтизин выделяет следующие: ресурсная обеспеченность, запасы полезных ископаемых, ВВП, государственный бюджет, затраты на науку и исследования, военная мощь и военные ресурсы и ряд других показателей.

Второй доклад – о классической для философии проблеме общественного прогресса, которая, по мнению автора доклада д. филос. н., проф., заведующего кафедрой социальной философии и философии истории исторического факультета МГУ им. Ломоносова К.Х. Момджяна, имеет большое мировоззренческое значение, поскольку представления о прогрессе напрямую влияют на мироощущение людей, формируя у них оптимистический или пессимистический взгляд на историю.

УДК [[338.1:330.52]+316.422.42](470+571)(063)

ББК 65.9(2Рос)-04я431+60.032.611я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6050844-0-2

© Тосунян Г.А., составление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	14
ДОКЛАД 1 чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.	20
НАЦИОНАЛЬНАЯ СИЛА: МОДЕЛИРОВАНИЕ, ОЦЕНКА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ	
<i>проф.</i> МЕДВЕДЕВ П.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	44
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	46
<i>САВАТЮГИН А.Л. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.</i>	50
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	53
<i>к. э. н.</i> ЛОБАНОВ А.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	55
<i>акад.</i> ПОГОСЯН Г.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	58
<i>к. э. н.</i> СОГОМОНЯН А.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	60
<i>д. э. н.</i> МОКИЙ М.С. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	62
<i>чл.-корр.</i> ЕЛИСЕЕВА И.И. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	64
<i>проф.</i> ТЕДЕЕВ А.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	67
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	69
<i>проф.</i> ТУРБАНОВ А.В. – <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	72
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А., <i>проф.</i> МЕДВЕДЕВ П.А., <i>чл.-корр.</i> БАХТИЗИН А.Р.	74

ДОКЛАД 2 д. филос. н., проф. МОМДЖЯН К.Х. 79

**ГИПОТЕЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА:
АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»**

чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 109

САВАТЮГИН А.Л. – *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 111

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 114

чл.-корр. ВАСИЛЬЕВ В.В. – *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 121

д. э. н. МОКИЙ М.С. – *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 123

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 127

проф. МОМДЖЯН К.Х., *акад.* ТОСУНЯН Г.А.,
САВАТЮГИН, А.Л., к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. 130

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. 144

д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю., *проф.* МОМДЖЯН К.Х.,
акад. ТОСУНЯН Г.А. 145

ЗАКАРЯН Г.Т. – *акад.* ТОСУНЯН Г.А. 149

д. э. н. МОКИЙ М.С. – *акад.* ТОСУНЯН Г.А. 151

чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р. 156

д. филос. н., *проф.* МОМДЖЯН К.Х. 159

акад. ГУСЕЙНОВ А.А. 161

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А. 168

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН и НИИ ДДиП 176**

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководи-
тель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспек-
тивных исследований национальной без-
опасности России Экспертного института
НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации
российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследова-
тельского института Доверия, Достоинства и
Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВЕТИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института си-
стемного программирования им. В.П. Иван-
никова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор, заведующий
кафедрой экономической теории и политики
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
РФ

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр. РАН, д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель
Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный со-
трудник Института социально-политических
исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руко-
водитель Вологодского научного центра
РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора
социальной эпистемологии Института фило-
софии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный со-
трудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., руководитель отдела междунаро-
дных рынков капитала Национального иссле-
довательского института мировой эконо-
мики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией
социальной и экономической психологии
Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П. Ширшова
РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр. РАН, д. п. н., заведующий лабора-
торией психологии общения факультета пси-
хологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Ар-
мении (НАН РА), иностранный член РАН, д.
социол. н., научный руководитель Института
философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института госу-
дарства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Цен-
тра правовых исследований цифровых тех-
нологий Государственного академического
университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института
философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института
НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государствен-
ного аудита Высшей школы государствен-
ного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ло-
моносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центром
публично-правовых исследований Инсти-
тута законодательства и сравнительного пра-
воведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный
советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и

принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 92 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более **80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около **2 тыс. человек**.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 76 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН, президент Ассоциации российских банков

Коллеги, 9 утра.

Начнем наше заседание.

Приветствую вас на заседании Научно-консультативного совета отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим, социально-экономическим проблемам нашего общества и НИИ Доверия, Достоинства и Права.

Традиционно – формат «Рабочего завтрака».

С апреля 2020 года мы работаем в смешанном формате, иногда только в Zoom, когда нет возможности собираться очно.

Сегодня зарегистрировалось больше 100 человек, среди них 14 членов РАН, три профессора РАН, всего 32 представителя науки и научных организаций, 37 представителей вузов, также банкиры, предприниматели, представители общественных организаций.

На обсуждение выносятся два доклада.

С первым докладом «Национальная сила: моделирование, оценка и практическое применение» выступит член-корреспондент Академии наук, директор Центрального экономико-математического института Альберт Рауфович Бахтизин.

Со вторым докладом «Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» выступит доктор философских наук, профессор, заведующий кафедр

рой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Карен Хачикович Момджян.

В период геополитической нестабильности множество факторов серьезным образом влияют и на положение нашего государства на международной арене, и на многие обстоятельства нашей текущей жизни, что заставляет задуматься над этими проблемами не только ученых.

Задумываются о национальной безопасности и общественном прогрессе в той или иной степени компетентности все думающие люди.

Показатель национальной силы – это такой комплексный индекс, который отражает, с одной стороны, наиболее значимые характеристики развития той или иной страны, с другой стороны, ее потенциал.

Первая версия индекса была разработана, если не ошибаюсь, в США в начале 60-х годов.

С течением времени количество компонентов, используемых в расчетах, расширяется.

Это всегда так бывает, когда предлагают какой-то индекс, потом начинают его развивать глубже и шире.

Для расчетов и построения сложных моделей в современных условиях используются в том числе возможности суперкомпьютеров.

Естественно, есть разные подходы к набору компонентов, определению интегрального показателя национальной силы и их оценке.

Безусловно, при таком широком спектре этих показателей полностью избежать субъективизма невозможно.

Собственно говоря, никто и не претендует на абсолютную объективность.

Тем не менее, большинство факторов национальной силы выражается в конкретных цифрах, то есть частично они измеряемы.

Это:

- ресурсная обеспеченность страны,
 - запасы полезных ископаемых,
 - ВВП,
 - государственный бюджет,
 - затраты на науку и исследования,
 - военная мощь и военные ресурсы
- и ряд других показателей.

Хотя, конечно, могут быть разные оценки и этих данных, и их разные удельные веса в конкретном индексе.

Потому что всегда, когда речь идет, допустим, о ВВП или о бюджете, вспоминается поговорка, что есть статистика, а есть профессиональное введение людей в систему мифов.

В общем, лукавство в значительной степени присутствует даже в таких формальных показателях.

Но есть и вполне реальные показатели, которые вряд ли кто-то станет оспаривать.

Например, самый известный индекс национальной силы называется «Корреляты войны».

Согласно ему позиция России была наивысшей в мире в 80-е годы, во времена СССР.

На протяжении всего XX века, по крайней мере во второй половине, Россия входила в пятерку стран-лидеров, наравне с США, Китаем, Индией, Японией и Великобританией.

В разные периоды эти страны-лидеры присутствовали и присутствуют в этой группе и по сей день в разной пропорции, конечно.

Другой наглядный и неоспоримый пример.

Наш запас природных ресурсов определяется в 75 триллионов долларов.

Эти данные широко известны.

Здесь никакого лукавства нет.

Это довольно объективная цифра.

По этому показателю мы в полтора раза опережаем Соединенные Штаты и в два раза – Канаду, это следующие за нами две страны.

Не следует забывать также, что по размеру территории мы занимаем первое место в мире, 17 миллионов квадратных километров.

Когда был СССР, у нас была 1/6 часть территории Земли, сейчас этот показатель близок к 1/9.

У нас лучшие показатели по запасам газа, угля, алмазов, редкоземельных металлов.

Но при этом по уровню жизни населения мы, мягко говоря, не являемся лидерами!

Невольно напрашивается вопрос.

Почему?

70 лет в СССР из всех средств массовой информации и со всех официальных трибун декларировалось, что благополучие советского человека – главная цель нашей страны!

Более того, устами лидеров СССР мы жаждали осчастливить трудящихся всего мира.

Но своих трудящихся почему-то осчастливить не удалось...

Не только по материальному уровню, но и по индексу счастья мы и сегодня очень далеки от лидеров.

А такой индекс тоже, как известно, есть и рассчитывается по совокупности показателей.

Это серьезное противоречие и одновременно вопрос, на который надо дать ответ: почему так складывается судьба граждан нашей страны?

На это надо обратить особое внимание и экономистов, и социологов, и психологов, и военных специалистов.

Социально-экономическая политика, вытекающие из нее уровень и продолжительность жизни населения, демография, индекс счастья – все это тоже факторы национальной силы.

Так же, как и эффективное управление страной, ресурсами страны – это тоже фактор национальной силы.

На поставленные выше вопросы по многим причинам, конечно, сложно ответить.

Но ответить надо.

И ответы должны дать и наука, и руководители ведомств страны, ответственных за уровень жизни и экономику, и общество в целом.

В какой-то части мы постараемся в рамках сегодняшнего нашего обсуждения найти ответы на эти и другие смежные вопросы.

То, что исследование таких интегральных показателей, как национальная сила, представляет огромный интерес, я думаю, ни у кого не вызывает сомнений.

Передаю слово Альберту Рауфовичу. Прошу Вас.

ДОКЛАД 1

БАХТИЗИН А.Р.

чл.-корр., д. э. н., директор Центрального
экономико-математического института РАН

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИЛА: МОДЕЛИРОВАНИЕ, ОЦЕНКА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Спасибо Вам большое за приглашение, за возможность выступить.

Вы в своем кратком вступительном слове уже обозначили, что у меня, действительно, по-своему интересная работа.

Хотя она вызывает много споров.

Потому что есть индекс счастья, есть индекс развития человеческого капитала и прочее.

Индексов в мире очень много, и говорят: зачем еще один?

И все же индекс национальной силы стоит особняком, и он имеет богатую историю.

Я позволю себе немножко Вас поправить.

Есть мнение, что он датируется не 60-ми годами прошлого века, а 1741 годом, что первые оценки этого индекса пошли с того времени.

Хотя они, действительно, эволюционным путем иногда измерялись одним показателем – мощностью государства, иногда комбинацией пары-тройки показателей.

Но очевидно, что интерес стал расти с появлением компьютеров и прочего, что дало возможность и учитывать большое количество показателей, и производить их

расчет не просто экспертным опросом, определяя веса, а с использованием методов многомерного статистического анализа.

И сегодня я про это буду говорить.

В мире на данный момент насчитывается более 500 методик по измерению национальной силы и индексов национальной безопасности.

Я также скажу сегодня про индекс национальной безопасности, потому что он неразрывно связан с национальной силой.

Если сила определяет потенциал страны, то индекс национальной безопасности определяет эффективность управления этим потенциалом.

Есть краткая статистика, что весовые коэффициенты отдельных составляющих индексов примерно в 83% случаев определяются экспертами.

И только 17% – это методы статистического анализа.

Приведу только несколько фамилий людей, которые активно занимались в разное время оценкой уровня национальной силы своей страны и других стран.

Это и Спикмэн, и Моргентау, ведущие эксперты внешней политики США.

В начале этого века американская исследовательская организация RAND Corporation выпустила фундаментальную работу по оцениванию индексов национальной силы с учетом турбулентных событий, которые происходят в разных странах.

С другой стороны, индекс национальной безопасности берет свое начало, наверное, с 40-х годов прошлого века.

В соответствии с законом о национальной безопасности, который был принят в США в 1947 году, был образован соответствующий совет.

И с того времени до сих пор нет четкого определения национальной безопасности, потому что все ее трактуют по-разному.

Приведу несколько примеров.

Некоторые составляющие, которые определяют экономическую, экологическую, энергетическую, продовольственную и прочие виды.

Так записано в документах, которые были выпущены в США и Великобритании.

Если посмотреть трактовку ООН, то это семь блоков показателей.

Это экономика, продовольствие, здоровье, экология, качество жизни, социальное взаимодействие, политическая сфера.

RAND Corporation трактует национальную безопасность через призму 11 блоков: вооруженные силы, ресурсы и территории, инвестиции, производство, человеческий капитал, занятость, финансы, технологии, торговля, экология, транспорт.

Научных работ по национальной безопасности больше, чем по национальной силе.

Есть работа-агрегатор, которая включает библиометрический анализ порядка 6 тысяч работ в сфере национальной безопасности, опубликованных более чем в 800 журналах за последние 17 лет.

Была попытка выделить наиболее часто используемые составляющие национальной безопасности, к которым относят военную, социальную, экономическую, экологическую, продовольственную и некоторые другие составляющие.

Далее о том, что касается оценивания этих двух индексов, национальной силы и национальной безопасности, в нашей стране.

Это одно из направлений работы нашего института, ЦЭМИ РАН, и мы ее проводим совместно с Федеральной службой охраны, хотя для них это нетипичная деятельность, но тем не менее они проявили интерес к оцениванию этого индекса.

И еще одна организация, которая работает с нами, это Институт демографической политики имени Менделеева, который создан относительно недавно при Аппарате полномочного представителя президента по Центральному федеральному округу.

В отличие от многих аналогичных зарубежных работ, мы изначально решили, что будем проводить оценку с помощью метода многомерного статистического анализа.

При оценивании показателей качества жизни по субъектам Российской Федерации был использован

модифицированный метод главных компонент, предложенный Сергеем Артемьевичем Айвазяном.

Этот метод позволяет провести свертку как на уровне групповых индексов, так и впоследствии групповые индексы свернуть в единый интегральный.

Преимущество этого метода заключается в том, что в некоторой степени он снимает проблему ангажированности при оценивании отдельных компонент этого индекса, поскольку оценка производится не за счет методов экспертного опроса, а с использованием модифицированного метода главных компонент.

Также мы проводим этот анализ, поскольку применяется оценивание с помощью метода главных компонент, для всех 193 стран – членов ООН, что позволяет нам провести кластеризацию, определить пороговые значения, тренды и многое другое.

И все сводится в единый индекс, который позволяет прогнозировать и проводить межстрановые сравнения.

Нами был использован достаточно большой набор данных: и Всемирного банка, и МФВ, и ВТО, и Всемирной ассоциации производителей стали, и данные военного баланса, и Всемирного совета по золоту.

И это только часть источников.

На самом деле очень много источников по всем 193 странам.

И отдельные результаты были опубликованы.

Три публикации только за последнее время было по моделированию оценки национальной силы, в основном в журнале «Экономические стратегии».

Чего нам удалось добиться посредством построения этого индекса?

Удалось выявить наиболее уязвимые места и для нашей страны, и для стран, которые входят в тот же кластер, что и Россия.

Удалось провести межстрановые сопоставления.

Вычислить технологическую схожесть между собой стран той группы, куда входит и Россия.

Удалось построить иерархическую систему оценивания национальной силы, национальной безопасности и качества жизни по регионам России.

Все это в рамках единого модельного комплекса.

У нас есть комплекс МЁБИУС (Рисунок 1), куда входят и демографические модели, и межотраслевые, и прочее.

Рис. 1

Блок по оцениванию интегральных показателей национальной силы и национальной безопасности является частью этого большого комплекса.

И самое главное, может быть, это определение весов отдельных показателей, влияющих на интегральный индекс, – как групповых, так и весов отдельных показателей.

Собственно, это то, о чем Вы говорили: выявление наиболее уязвимых мест именно с помощью методов многомерного статистического анализа.

Я кратко расскажу о результатах, полученных зарубежными исследователями, и потом перейду к тому, что посчитали мы.

Наиболее цитируемый проект – «Корреляты войны».

Они проводили расчеты для начала XIX века. И дальше двигались до современного состояния.

XIX век – это главенство Великобритании.

И с большим отставанием, но при этом на втором месте – Российская империя.

К началу XX века лидерство перешло к США, Великобритания сдала позиции.

Россия, к сожалению, перешла на пятое место.

Этот индекс считался по методологии Сингера, который учитывал военный потенциал нации, потенциал по производству стали и показатели, связанные с продовольственной безопасностью.

Основные групповые индексы были вот такие (Рисунок 2).

Индекс национальной силы для 15 стран – мировых лидеров

XIX век							
Страны	1816	Страны	1850	Страны	1880	Страны	1900
Великобритания	31,05	Великобритания	30,42	Великобритания	21,59	США	18,80
Российская империя	15,79	Российская империя	14,44	Китай	16,09	Великобритания	17,75
Франция	12,10	Франция	12,70	США	12,40	Германия	13,15
Австро-Венгрия	9,14	Австро-Венгрия	8,37	Франция	10,70	Китай	12,00
Турция	6,26	США	7,25	Германия	10,44	Российская империя	10,92
Германия	5,13	Германия	4,90	Российская империя	10,32	Франция	7,47
Испания	4,20	Турция	4,77	Австро-Венгрия	4,34	Австро-Венгрия	4,24
Нидерланды	3,94	Испания	3,08	Италия	3,18	Япония	2,89
США	3,64	Бельгия	2,25	Испания	2,20	Италия	2,82
Королевство обеих Сицилий	3,01	Королевство обеих Сицилий	2,18	Япония	2,08	Турция	1,72
Швеция	2,15	Италия	1,20	Бельгия	1,92	Испания	1,48
Португалия	1,01	Швеция	1,10	Турция	1,83	Бельгия	1,39
Италия	0,90	Нидерланды	1,10	Швеция	1,13	Бразилия	0,92
Папская область	0,85	Мексика	0,86	Нидерланды	0,90	Швеция	0,84
Бавария	0,83	Бавария	0,82	Бразилия	0,88	Нидерланды	0,71
Сумма для 15 стран	100,00	Сумма для 15 стран	95,45	Сумма для 15 стран	100,00	Сумма для 15 стран	97,10

Рис. 2

Что касается XX и XXI века, то практически весь XX век первое место делили между собой СССР и США (Рисунок 3).

Индекс национальной силы для 15 стран – мировых лидеров

XX и XXI века							
Страны	1950	Страны	1980	Страны	2000	Страны	2016
США	28,44	СССР	16,87	Китай	16,23	Китай	23,06
СССР	18,06	США	13,31	США	14,27	США	13,31
Китай	11,85	Китай	11,95	Индия	6,89	Индия	8,68
Велико-британия	6,13	Япония	5,36	Россия	5,15	Россия	3,65
Индия	4,96	Индия	5,17	Япония	4,99	Япония	3,30
Франция	3,32	ФРГ	3,25	Германия	2,62	Южная Корея	2,33
Индонезия	1,79	Велико-британия	2,53	Бразилия	2,51	Бразилия	2,33
Италия	1,74	Франция	2,40	Южная Корея	2,34	Германия	1,66
Польша	1,69	Бразилия	2,29	Велико-британия	2,22	Индонезия	1,62
Испания	1,31	Италия	2,00	Франция	1,88	Иран	1,53
Бразилия	1,27	Польша	1,61	Италия	1,71	Пакистан	1,51
Канада	1,26	Южная Корея	1,39	Украина	1,49	Турция	1,48
Чехословакия	1,25	Индонезия	1,26	Турция	1,47	Мексика	1,47
Пакистан	1,13	Мексика	1,22	Индонезия	1,42	Саудовская Аравия	1,45
Турция	1,02	Испания	1,18	Мексика	1,40	КНДР	1,34
Сумма для 15 стран	85,24	Сумма для 15 стран	71,80	Сумма для 15 стран	66,59	Сумма для 15 стран	68,72

Рис. 3

К началу XXI века лидерство – причем это расчеты американской группы – перешло к Китаю.

С большим отставанием, почти в два раза, идут США.

Третье место занимает Индия, и на четвертом месте на текущий момент Россия.

То есть весь XIX век – это лидерство Великобритании. XX век – лидерство США, краткий момент – лидерство СССР, и сейчас – Китай.

Следует обратить внимание на то, что в периоды смены мировых лидеров по индексу национальной силы происходили крупные военные конфликты (Рисунок 4).

Это и Первая, и Вторая мировые войны.

Индекс национальной силы наиболее влиятельных стран

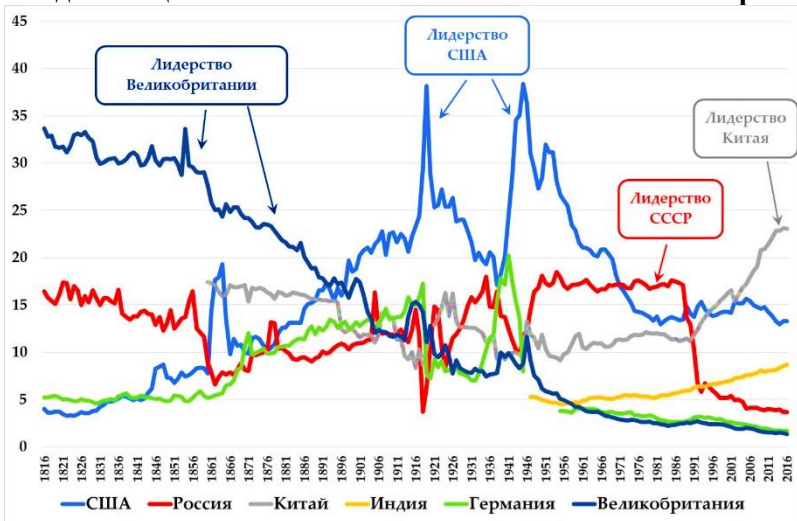

Рис. 4

Еще один не менее тиражируемый проект.

Приведу данные исследования за 2022 год от информационного агентства U.S. News & World Report, которое они проводят совместно с Пенсильванским университетом.

Также они оценивают рейтинг так называемых лучших стран мира по качеству жизни, по уровню счастья и так далее.

Рейтинг самых могущественных и лучших стран мира (U.S. News & World Report совместно с Пенсильванским университетом), 20 000 респондентов

Позиция в рейтинге национальной силы (список самых могущественных стран)	Страны	Общая оценка в рейтинге лучших стран	Позиция в рейтинге лучших стран мира
1	США	93,3	6
2	Китай	78,0	17
3	Россия	48,7	24
4	Германия	98,0	3
5	Великобритания	92,3	8
6	Япония	99,1	2
7	Франция	87,1	11
8	Южная Корея	81,4	15
9	Саудовская Аравия	33,8	35
10	ОАЭ	66,9	22
11	Израиль	42,4	30
12	Канада	100	1
13	Индия	48,4	25
14	Турция	33,9	34
15	Италия	78,7	16

Рис. 5

Но мы все-таки будем концентрироваться на индексе национальной силы.

Оценка индекса национальной силы по ключевым странам мира.

Оцениваются первые 40 стран.

В последней их оценке России отводится третье место среди стран мира (Рисунок 5).

Но в то же время, по проводимому ими же рейтингу лучших стран, мы занимаем уже 24-е место.

То есть по мощи – третье, по качеству жизни и степени удовлетворенности людей – 24-е место.

Далее, весьма цитируемый индекс Денверского университета.

Он интересен тем, что они как считают для предыдущих моментов (анализируют предыдущие моменты), так и дают прогноз для конца текущего века (Рисунок 6).

В 60-е годы прошлого века у России (СССР) – второе место.

В текущий момент – шестое.

К концу века, к 2100 году, Россия, по их прогнозам, сохранит шестую позицию, правда, с большим отрывом от лидеров.

Лидерство также приписывают Китаю, который по безразмерному индексу будет в два раза превышать соответствующее значение Соединенных Штатов.

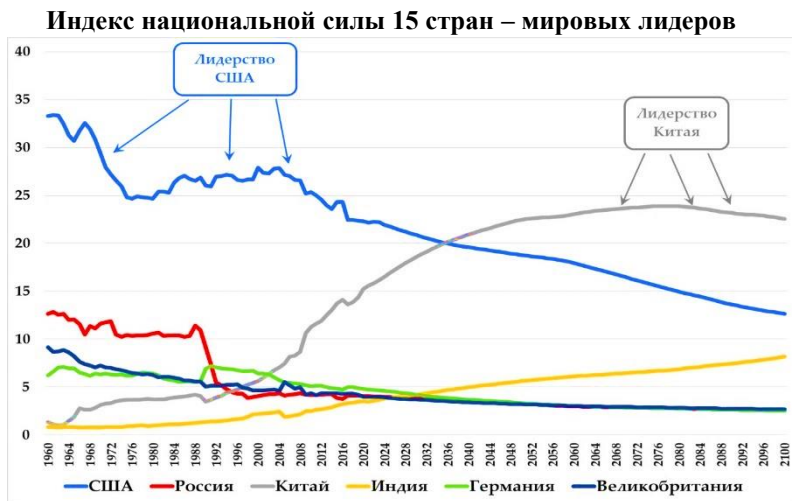

Рис. 6

В динамике это будет выглядеть так: лидерство США, Китая, России.

Еще один проект австралийского института LOWY, оценка индексов национальной силы азиатских стран.

Чем он интересен?

У него очень большая посещаемость.

И там есть возможность для пользователя самостоятельно определять веса факторов.

К чему это приводит?

Можно поменять, к примеру, веса факторов так, чтобы улучшить показатели конкретной страны.

Так, к примеру, за счет увеличения военной компоненты Россия станет лидировать.

То есть на самом деле экспертное взвешивание создает проблему ангажированности при оценивании факторов.

И «подкручиванием» веса факторов можно получить любой результат.

Мы при оценивании индексов у себя в институте решили от этого отойти, чтобы оценивать это все с помощью методов многомерного статистического анализа.

Теперь я перехожу к результатам, которые мы получили у себя.

22 показателя для оценивания национальной силы разбиты по шести группам.

Географические характеристики, природные ресурсы, население и труд, экономические показатели, вооруженные силы, наука и инновации (Рисунок 7).

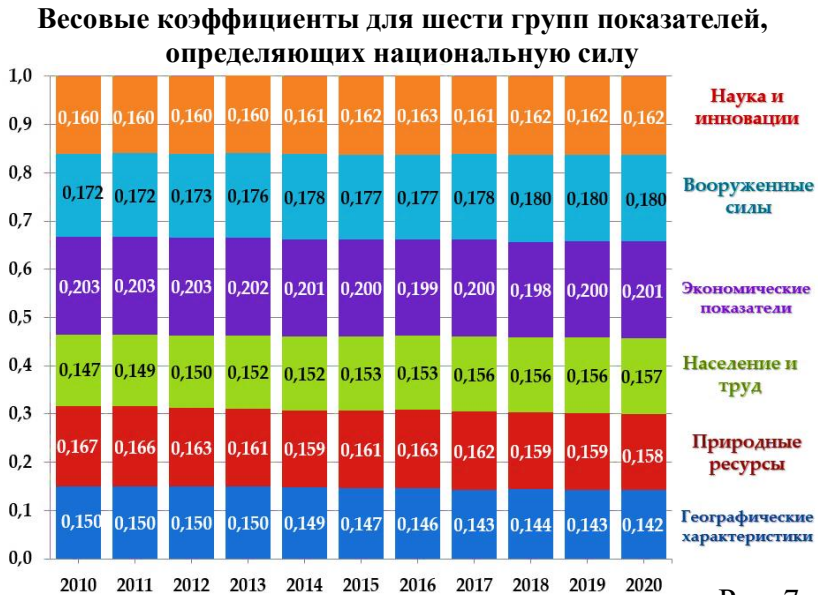

Рис. 7

И так по всем 193 странам планеты.

И мы оценивали не для одного года, а для периода порядка 10 лет, с тем чтобы можно было посмотреть динамику: куда идет процесс, и, соответственно, как менялись места стран по этому индексу.

Во-первых, оценили весовые коэффициенты для шести групп.

То есть мы решили оценить, вклад какой группы коэффициентов является наибольшим в индексе. По национальной силе получилось, что это экономические показатели.

И немаловажный вес имеют вооруженные силы, наука и инновации.

То есть эти группы являются определяющими при вычислении интегрального индекса.

В 2021 году он выглядел так: Китай, США, Индия. Россия на четвертом месте (Рисунок 8).

**Интегральные показатели национальной силы
для 15 стран-лидеров в 2021 г.**

Китай	16,51
США	15,39
Индия	5,29
Россия	5,12
Германия	3,90
Франция	2,67
Япония	2,61
Бразилия	2,18
Республика Корея	1,99
Италия	1,97
Канада	1,74
Великобритания	1,67
Австралия	1,52
Саудовская Аравия	1,48
Индонезия	1,46
Остальные 178 стран	34,50

Рис. 8

Пролонгируя эти значения и часть из них вычисляя с помощью других моделей, посчитали ситуацию по индексу к 2025 году (Рисунок 9).

**Интегральные показатели национальной силы
для 15 стран-лидеров в 2025 г.**

Китай	16,43
США	15,41
Индия	5,41
Россия	5,02
Германия	3,89
Франция	2,66
Япония	2,55
Бразилия	2,16
Республика Корея	1,99
Италия	1,97
Канада	1,73
Великобритания	1,66
Австралия	1,52
Саудовская Аравия	1,49
Индонезия	1,48
Остальные 178 стран	34,63

Рис.9

При условии, что не произойдет резких катаклизмов, которые, к сожалению, могут, случиться.

Если допустить инерционность развития социально-экономических систем большинства стран, то картина принципиальным образом не поменяется и к 2025 году.

То есть Россия, по нашему мнению, будет примерно на четвертом месте с заметным отрывом от других стран.

Потенциально наша страна также является полюсом силы.

В мире, и это очевидно, два полюса: США и Китай.

И потенциальные полюсы для развития соответствующих макрорегионов – это Россия, Индия и Германия.

Теперь что касается индекса национальной безопасности.

Он также был рассчитан по 193 странам за десятилетний период.

28 показателей – но они не валовые, а нормированные, большинство из них на душу населения – также разбиты по шести группам.

Это ресурсы, экономика и производство, уровень жизни населения, финансовые показатели, вооруженные силы, наука и инновации.

Весовые коэффициенты здесь немного другие.

Большее значение имеет показатель, связанный с производством и с развитием научной составляющей стран.

То есть именно эти группы являются определяющими при формировании итогового индекса национальной безопасности.

И если проводить рейтинг уже по этим показателям, то Россия на 12-м месте (Рисунок 10), хотя до недавнего времени была на 11-м.

Это, если можно так условно сказать, эффективность управления потенциалом, который есть у страны, выраженная через уровень ее национальной безопасности.

Интегральные показатели национальной безопасности для 15 стран-лидеров

Страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1. США	11,44	10,97	10,70	10,76	10,57	10,25	10,49	10,40	10,58	10,60	10,59
2. Китай	3,21	3,39	3,73	4,24	4,59	4,78	4,89	5,00	5,13	5,91	5,96
3. Республика Корея	3,27	3,27	3,58	3,60	3,79	3,61	3,67	3,80	3,81	3,82	3,77
4. Швейцария	3,65	3,67	3,72	3,78	3,78	3,71	3,68	3,70	3,64	3,49	3,47
5. Япония	3,66	3,56	3,66	3,66	3,67	3,46	3,53	3,54	3,51	3,28	3,28
6. Германия	3,19	3,08	3,26	3,22	3,33	3,13	3,22	3,28	3,24	3,14	3,05
7. Франция	3,36	3,10	3,22	3,23	3,30	3,06	3,09	3,15	3,11	2,95	2,88
8. Великобритания	3,00	2,82	2,85	2,92	2,94	2,76	2,80	2,86	2,62	2,61	2,60
9. Люксембург	3,39	2,94	2,88	2,82	2,89	2,72	2,74	2,70	2,61	2,60	2,55
10. Австрия	2,46	2,46	2,50	2,66	2,68	2,59	2,66	2,64	2,57	2,50	2,51
11. Канада	2,94	2,74	2,75	2,72	2,71	2,67	2,61	2,61	2,56	2,44	2,44
12. Россия	2,77	2,81	2,81	2,73	2,88	2,62	2,62	2,63	2,55	2,43	2,43
13. Швеция	2,44	2,84	2,38	2,49	2,49	2,39	2,49	2,53	2,51	2,41	2,41
14. Израиль	2,69	2,71	2,87	2,51	2,56	2,46	2,46	2,47	2,48	2,39	2,39
15. ОАЭ	1,80	1,92	1,85	1,96	2,13	2,47	2,52	2,46	2,45	2,36	2,34
Место России среди 15 стран-лидеров	11	11	11	10	10	11	11	11	12	12	12

Рис. 10

Подробнее рассмотрим, за счет чего у нас просадка среди кластера стран, к которому относится Россия.

Кластер 15 ведущих стран по индексу национальной безопасности, куда входит Россия, позволил определить пороговые значения, выход за пределы которых создает угрозу национальной безопасности нашей страны (Рисунок 11).

С ресурсами у нас все в порядке, и нет проблем с такими показателями, как производство стали, зерна и прочее.

Проблемы начинаются с показателями, связанными с социальным расслоением, и показателями,

связанными с заболеваемостью населения, с уровнем рождаемости, с уровнем смертности и так далее.

Первое – это ожидаемая продолжительность жизни, это все коэффициенты, связанные со смертностью: от сердечно-сосудистых заболеваний, в результате ДТП, в результате убийств.

Во-вторых, показатели, связанные с финансами, недостаточным уровнем монетизации экономики, и прочее.

Все эти показатели создают угрозу национальной безопасности.

Пороговые значения для факторов национальной безопасности

Рис. 11

И о показателях, связанных с развитием науки.

По численности и исследователей, и техников, которые выполняют исследования, также либо пограничные значения, либо, в ряде случаев, выход за пределы допустимого диапазона.

Проведение многомерного статистического анализа позволило путем межстранового сопоставления определить наиболее негативные последствия для социально-экономической системы нашей страны.

Наиболее негативные последствия связаны с такими явлениями, как коррупция, высокая налоговая нагрузка, недостаток денежного предложения, высокая процентная ставка, значительные перекосы в региональном развитии, социальное расслоение, высокий уровень заболеваемости населения (Рисунок 12).

Рис. 12

И все это, повторю, было получено с помощью многомерного статистического анализа путем сопоставления большого массива данных по всем 193 странам мира.

А наиболее уязвимые места нашей страны, в сравнении с группой стран – мировых лидеров, соответственно, это показатели, связанные с продолжительностью жизни, смертностью населения, низкой рождаемостью, экологической обстановкой, деградацией сектора науки и образования, снижением доли промышленности и производства.

То есть на самом деле эти индексы помимо странового сопоставления позволяют выявить наиболее проблемные места для нашей страны.

Я не хотел бы выходить за пределы разбора индексов, но вкратце упомяну, что под руководством академика Валерия Леонидовича Макарова совместно с Сергеем Дмитриевичем Бодруновым, президентом Вольного экономического общества, нами была предложена концептуально обоснованная позиция применения матметодов с такими приблизительными расчетами.

Мы обозначили основные ориентиры, направленные на нивелирование рисков, связанных с нарушением национальной безопасности и с возможными действиями со стороны органов госвласти по преодолению сложившейся ситуации.

Предложенные нами основные направления социально-экономического развития России включают 20 направлений, связанных с балансировкой неэквивалентного товарообмена, за счет чего у нас образуется

денежный «навес», который никак не используется для развития страны.

Это действия, связанные с противодействием коррупции.

Уменьшение ключевой ставки, увеличение денежной массы, корректировка денежного правила, развитие производства, инвестиции в инфраструктуру – большой раздел, где мы рассматривали наиболее приоритетные направления для государственного инвестирования с позиции усиления инфраструктуры нашей страны.

Это развитие инновационного сектора, повышение уровня образования, перестройка налоговой системы, сокращение социального неравенства, контроль за ценами, выход из соглашения ВТО.

Это ограничения на вывоз капитала, который опять обновил рекорды в 2022 году.

Примерно 330 миллиардов долларов.

Поставили мы антирекорды по покупке недвижимости в других странах нашими согражданами вместо инвестиций в нашу страну.

И ряд других направлений, которые позволили бы изменить ситуацию, связанную с ухудшением позиции по индексу национальной силы и по индексу национальной безопасности.

Вот так тезисно я обозначил ключевые моменты, рассказав кратко про наиболее известные в мире проекты по оцениванию национальной силы и безопасности.

Наши расчеты по оцениванию этих индексов мы получали за последние три года.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Альберт Рауфович.

Вы затронули тему ограничения вывоза капитала и переподчинение Центрального банка.

Думаю, у моих коллег это должно вызвать ряд вопросов.

Маленькая ремарка о том, каким образом эффективнее влиять на движение капитала.

Можно ограничивать вывоз, а можно стимулировать приток капитала.

Я лично сторонник второго подхода, когда мы создаем условия, при которых и интеллектуальный, и финансовый капитал стремятся в страну.

А можно создавать условия, когда и капитал, и интеллектуальный ресурс стремятся за пределы страны.

В Советском Союзе, напомню, был институт выездных виз.

Можно ввести разрешение на выезд для наших граждан, можно ввести разрешение на вывоз капитала и так далее.

Но можно действовать иным, на мой взгляд более эффективным способом, достигая желаемого результата с точки зрения государства, общества, граждан и бизнеса, а не удобства контролирующих и регулирующих органов.

Кстати, лишний раз напомню, что нередко удобство чиновников, желающих повысить свою значимость, и интересы государства и общества часто вступают в противоречие!

Павел Алексеевич Медведев, пожалуйста.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо большое за очень интересный доклад.

Я хочу задать вопрос.

Вы в докладе упомянули замечательного человека и ученого Сергея Айвазяна.

Сергей Айвазян много-много лет тому назад сделал работу, очень похожую на ту, о которой Вы сейчас рассказываете. Она начиналась как шуточная, а закончилась как серьезная.

Он попытался с помощью математической модели оценить успешность футбольной команды.

Я слышал об этом из его уст много раз.

Какие факторы он учитывал?

Скорость, с которой начинают бегать футболисты в начале игры.

Дисперсия скорости.

Кто-то быстро бегают, кто-то – медленно.

Время, которое футболист держит мяч.

Частота, с которой футболисты одной команды передают мяч друг другу.

Это были все факторы.

И, чтобы вычислить успешность, несколько минут – если мне не изменяет память, минут 10–15 – надо было наблюдать работу команды во время игры.

И через 15 минут Сергей говорил, сколько она забьет голов.

У Айвазяна все, о чем он говорил, было очевидным образом и однозначно измеримо: количество забитых голов, скорость бега, время владения мячом и так далее.

А что Вы измеряете и в каких единицах?

Лидерство в чем измеряется?

Национальная сила в чем измеряется?

Вы с помощью каких факторов хотите это определить?

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Да, спасибо.

Этот индекс, он безразмерный.

Он нормирован таким образом, чтобы суммарный индекс равнялся 100.

Соответственно, значение для каждой страны, если угодно, определяет долю каждой страны в уровне мировой, политической, военной, экономической и прочей мощи.

То есть, по сути, это доля страны в мировой цивилизации.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вопросов много.

Пока время позволяет, мы каждому дадим возможность задать вопрос, а Вам – кратко ответить.

Михаил Федорович, прошу Вас.

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., профессор, директор Федерального исследовательского социологического центра РАН

Черныш М.Ф.: Уважаемый Альберт Рауфович, мы с Вами встречаемся теперь практически каждый день.

Вчера были вместе на конференции.

Там обсуждались вопросы демографии, сегодня – вопросы национальной силы.

Я хотел бы поблагодарить Вас за очень интересный доклад.

Хотелось бы задать Вам вопрос об ограничениях математического метода.

Ведь сколько ни пытались формализовать экономические тренды с помощью математических формул, ничего не вышло.

Только на каких-то отдельных отрезках времени удавалось это сделать.

Но, в принципе, есть социальная жизнь, экономическая жизнь.

Она не поддается формализации в той степени, в какой это необходимо, чтобы мы могли понимать, что будет с экономикой и с обществом.

В последнее время одним из важнейших критериев развития любого общества считается качество социальных институтов.

Обращают на себя внимание работы Аджемоглу и Робинсона, которые говорят о качестве социальных институтов как об одном из основных условий развития.

Их книжка, по-моему, так и называется – «Why nations fail», она о том, каким образом происходит социальный и экономический коллапс.

Я хотел бы обратить внимание, что аналогичную тему раскрывал в своих работах Фрэнсис Фукуяма, хотя, на мой взгляд, он делал это эпигонно.

Его книга называется «Политический порядок и политический упадок», в ней он пытался связать успехи или неуспехи каких-то стран с качеством укоренившихся в них политических и социальных институтов.

Вообще в социальных науках это глубокая традиция, уходящая корнями в древность, в рассуждения древнегреческих философов, полагавших, что общественное и экономическое устройство определяется устоявшимися нормами социальных взаимодействий.

Качество социальных институтов – это интересная тема, связанная с теми показателями, которые представлены в докладе.

Социальные и экономические институты – это именно то, что регулирует процесс распределения в обществе материальных, духовных и прочих благ.

Это то, что обеспечивает приток инвестиций и их эффективность с точки зрения развития.

Это то, что обеспечивает качество жизни граждан.

При этом показатели качества социальных институтов во всех тех формулах, о которых шла речь, не фигурируют.

И вот сам вопрос: как нам сделать так, чтобы эти показатели учитывались?

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Спасибо.

Я с Вами полностью согласен, что любые индексы – это заведомо упрощение реальной картины.

Их оценка – это тоже упрощение.

И если мы проводим экспертное взвешивание или тот же статистический анализ применяем, это тоже упрощение, потому что много чего не учитывается.

Также я полностью согласен с Вами, что важнейшее, наверное, это все-таки именно развитие человеческого капитала, качество жизни людей, уровень заболеваемости.

Кроме того, есть некоторые методики оценивания того же индекса национальной силы, которые не рассматривают другие составляющие, считая их неважными и производными от уровня развития человеческого социума.

То есть не рассматривают экономические показатели и прочее.

Считают, что во главе должен стоять всегда человек, его уровень жизни, его уровень заболевания в обществе и так далее.

Что эти факторы являются важнейшими.

В этом плане я с Вами полностью согласен.

Но почему я сегодня все-таки рассказывал про обобщенные индексы?

Потому что интерес вызывает больше сопоставление стран по более широкому кругу показателей, которые охватывают максимально, насколько это возможно, все грани.

А в чем плюс тех индексов, которые мы считаем?

Я еще раз повторю, что мы неангажированно получили оценки вклада той или иной группы факторов в интегральный индекс.

И внутри этих групп определили вклад каждого отдельного фактора на групповой индекс за счет применения соответствующей методики.

Поэтому есть плюсы в этом подходе.

Хотя я признаю, что он заведомо упрощен.

Раскрытие человеческого социума через демографические показатели.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Я попрошу Алексея Саватюгина взять слово.

САВАТЮГИН А.Л. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института НИУ
«Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Спасибо, Гарегин Ашотович, у меня совсем маленькие ремарки.

Спасибо, Альберт Рауфович, за очень интересный доклад.

Тема, конечно, очень важная и с теоретической точки зрения, и с практической.

И эта тема достойна гораздо большего обсуждения, чем вот такой короткий доклад.

У меня много вопросов возникло и к методологии, которую Вы предлагаете, и тем более к практическим выводам, которые выходят из Вашего доклада.

Но я не про методологию.

Одна ремарка связана с тем, что Вы сказали, что одним из партнеров в Вашей работе является Институт демографической политики имени Менделеева, наряду с ФСО.

Я сначала удивился, подумал, а при чем тут демографическая политика и Дмитрий Иванович, при всем уважении к нему.

Потом посмотрел, выяснил, что у него было семеро детей.

И понял, что это достойно – назвать его именем соответствующие институты.

Второе. Вы сказали, что это моделирование национальной силы восходит к 1741 году.

Я в прошлой жизни был преподавателем истории экономических учений и не помню, честно говоря, что именно случилось в 1741 году, но мне кажется, что как минимум ваша тематика восходит к основателю макроэкономической статистики Уильяму Петти, а это середина XVII века.

В памяти народной он останется как изобретатель ватерклозета, заодно он рассчитывал и национальную силу Англии.

Очень интересный был человек.

Когда он был старенький, он плохо видел, но хорошо слышал.

Он как-то обидел молодого дворянина, тот его вызвал на дуэль.

И так как выбирать оружие – право вызванного, Уильям Петти предложил драться топорами в темной комнате.

Дуэль не состоялась, дворянин отозвал вызов.

А так очень интересно, спасибо.

Бахтизин А.Р.: Реплика по поводу Менделеева, почему его именем назван демографический институт.

Я, кстати, до недавнего времени тоже не знал, но в 1907 году он сделал демографический прогноз по численности населения России и до конца XX века, и до середины XXI.

Прогноз этот, с одной стороны, очень поучительный, с другой стороны, очень впечатляющий.

Что он спрогнозировал?

Что к концу XX века в России должно было бы проживать 600 миллионов человек.

А к середине XXI века – миллиард.

Причем это официально опубликовано в книге 1907 года, которая называется «К познанию России».

Менделеев, помимо того, что был химиком, разработал эту демографическую модель – кстати, неплохую, она опубликована в этой книге.

Просто он оперировал теми коэффициентами рождаемости, которые были к началу XX века в России, и коэффициентами смертности.

Смертность была высокая, но и рождаемость была совершенно на другом уровне.

Поэтому, по его расчетам, выходили именно такие цифры.

Тосунян Г.А. Слово академику Михаилу Вениаминовичу Угрюмову.

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Угрюмов М.В.: Спасибо большое.

В своем замечательном докладе Вы показали, что по ряду показателей – их довольно много – наша страна деградирует.

На бытовом уровне это и так понятно.

Вообще, эти результаты должны быть очень мощным фидбэком механизма, обращенным к руководителям страны, главным образом к Правительству.

Ошибки есть в каждой стране.

Но эффективность их исправления зависит от того, насколько оперативно реагируют руководители страны, члены Правительства на вот эти элементы деградации.

Мой вопрос состоит в том, есть ли какой-то показатель реакции людей, которые управляют страной, на те показатели, о которых Вы говорили, особенно на показатели, которые свидетельствуют о деградации отдельных областей?

Если есть, то хорошо бы его сравнить по различным странам: Соединенные Штаты, западноевропейские страны, Китай и так далее.

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Спасибо большое за вопрос.

Он не в бровь, а в глаз, потому что мы действительно выступали на разных площадках за счет протекции в первую очередь силовой структуры, которая обеспечила нам возможность выступить в Совбезе и прочее.

И все эти выводы мы доносили неоднократно. Особенно вопросы, связанные с демографией.

Это, наверное, самая большая тема нашего общества.

Но, к сожалению, обратной связи пока что не видно. Будем надеяться, что она будет.

Потому что мы стараемся шуметь, насколько возможно.

Буду очень счастлив, если найдется индикатор, который будет свидетельствовать об обратной связи.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Слово Алексею Лобанову.

к. э. н. ЛОБАНОВ А.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ЛОБАНОВ А.А.

к. э. н., заместитель директора Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Лобанов А.А.: Спасибо большое.

Альберт Рауфович, спасибо за интереснейший доклад.

Вопросов много.

Я, наверное, три коротких задам для лучшего понимания.

Вами были упомянуты понятия «национальная сила» и «национальная безопасность» через союз «и».

Это синонимы, или это множества, вложенные друг в друга?

Как соотносить эти два понятия в контексте Вашего исследования?

Второй вопрос у меня более «инструментальный».

Если я правильно понял, Вы использовали анализ главных компонент, по сути, факторный анализ, который часто дает латентные переменные, которые трудно интерпретировать.

Это некоторые факторы, которые могут иметь качественную интерпретацию, а могут и не иметь.

У Вас во всех случаях получилось приписать этим факторам какую-то содержательную экономическую интерпретацию, или были факторы, которые остались без объяснения?

И третий вопрос.

Я увидел, как говорят в статистике, две коллинеарные переменные¹: рост денежного предложения и ключевая ставка.

Я работал в Центральном банке до недавнего времени, поэтому мне это близко.

Вы действительно их рассматриваете как независимые факторы?

Потому что, если да, логическим выводом из этого следует, что это призыв в пользу развития частных денег в России.

Либо это все-таки переменные коллинеарные, потому что рост предложения будет автоматически вести к снижению ставки, в силу закона спроса и предложения.

Спасибо большое.

Бахтизин А.Р.: Спасибо большое.

Я постараюсь совсем кратко, учитывая временной регламент.

По поводу синонимов: национальная сила и безопасность – это все-таки разные индексы.

Но они очень сильно взаимодополняемы.

Как я в самом начале говорил, сила определяет потенциал, безопасность определяет эффективность использования этого потенциала.

По поводу метода главных компонент.

¹ Считающиеся независимыми факторы, которые тем не менее проявляют тесную линейную (корреляционную) связь между собой.

Почему число факторов, которое у нас получилось, 26 и 28?

Потому что мы, многократно используя этот метод факторного анализа, просто убирали отдельные факторы, добиваясь того, чтобы главная компонента объясняла более 80% дисперсии.

Поэтому число факторов такое, а не как у коллег из-за рубежа, когда бывает, что число факторов несколько сотен.

Если несколько сотен, это понятно, что методы многомерного анализа просто не помогут.

И третье, по поводу ключевой ставки.

Мы использовали только число факторов для расчета уровня денежной массы, а ключевую ставку просто берем как проблемное место, но она не связана с проведением непосредственного анализа.

Все-таки это в методике не использовалось.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Иностраннный член Российской академии наук, академик Армянской академии наук, научный руководитель Института философии и права Армянской академии наук, пожалуйста, Погосян Геворк Арамович.

акад. ПОГОСЯН Г.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ПОГОСЯН Г.А.

акад., д. социол. н., иностранный член РАН, член президиума
Национальной академии наук Республики Армения

Погосян Г.А.: Спасибо за доклад.

Действительно, очень интересно, и очень много вопросов.

У меня короткий вопрос: а Вы сравнивали Россию и СССР?

Вы в докладе отметили, что СССР, хоть и короткое время, но третье или второе место занимал в Вашем индексе.

А сейчас у России 11-е или 12-е место.

Какие факторы вывели тогда СССР на второе или третье место?

Какие факторы сейчас отсутствуют, и потому Россия на 11-м или 12-м?

В рамках Вашего индексного анализа проводили ли такое сравнение между СССР и Россией?

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Да, спасибо большое за вопрос.

Я сам, скажу честно, не считал.

Потому что мы считали только за последние десять лет.

Но считали те, на кого я ссылался.

Проект «Корреляты войны», они считали и за XIX век, и за XX.

Считали не национальную безопасность, а индекс национальной силы.

По их результатам, в какой-то момент наша страна лидировала как раз за счет большой мощи, которая связана и с ресурсным обеспечением, и с большим количеством людей, и с военным потенциалом.

Просто тогда как субъект международной политики страна была гораздо мощнее, чем сейчас, к сожалению.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Артур Согомонян, представитель крупного российского бизнеса.

к. э. н. СОГОМОНЯН А.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

СОГОМОНЯН А.А.

к. э. н., предприниматель

Согомонян А.А.: Спасибо большое, Альберт Рауфович, за доклад.

У меня тоже небольшой короткий вопрос.

Когда говорят про национальную силу, мне как-то сразу на ум в первую очередь приходит вопрос национальной культуры, религии, ведь мы многонациональная страна.

Это как-то учитывалось в Ваших факторах?

Вы это не указывали, но, мне кажется, это первое, что требует изучения...

Бахтизин А.Р.: Да, спасибо большое за вопрос.

Более того, это мнение моего соавтора, академика Макарова, что обязательно при оценке индекса должен учитываться и культурный уровень, и уровень патриотизма граждан нашей страны, и духовная составляющая.

Но, к сожалению, статистики для того, чтобы верифицировать и получить достоверные оценки по вкладу факторов, у нас просто нет.

Трудно верифицировать это для соответствующей оценки по всем 193 странам.

Поэтому полностью с Вами согласен, это важнейшая составляющая.

К сожалению, пока она не рассматривалась на текущий момент.

Хотя, наверное, она имеет, действительно, одно из ключевых значений.

Потому что уровень патриотизма позволяет и побеждать в войнах, и прочее.

Но пока, к сожалению, мы ограничились теми показателями, которые находят отражение в статистике.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Профессор РАНХиГС Михаил Мокий.

д. э. н. МОКИЙ М.С. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор кафедры национальной экономики
РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Здравствуйте, большое спасибо за доклад, Альберт Рауфович.

То, что Вы предлагаете рассматривать национальную безопасность как критерий использования национальной силы, это, мне кажется, очень хороший подход.

Однако, так как я всю жизнь занимаюсь общей теорией систем, меня интересует вот какой вопрос.

Скажите, пожалуйста, есть ли какие-то критерии отбора количества показателей?

Почему у Вас 22 показателя, а не 32 или не 16?

Почему Вы делите показатели на 6 групп, а не на 15 или 4 группы?

Есть ли какие-то объективные критерии?

Или просто по принципу «чем больше, тем лучше»?

Бахтизин А.Р.: Спасибо за вопрос.

Использовались два фактора отбора показателей.

Ориентация на аналогичные разработки, в том числе зарубежные, плюс оценивание методом многомерного статистического анализа.

Отказ от ряда факторов, с тем чтобы улучшить статистические характеристики итоговых величин.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Член-корреспондент Российской академии наук
Елисева Ирина Ильинична.

чл.-корр. ЕЛИСЕЕВА И.И. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ЕЛИСЕЕВА И.И.

чл.-корр. РАН, д. э. н., заведующий кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Елисеева И.И.: Спасибо, Гарегин Ашотович.
Спасибо, Альберт Рауфович, за Ваш доклад.

Хотелось бы уточнить, а где же Росстат?

Росстат как ресурсная организация почему-то Вами не упомянут.

Это первое.

Во-вторых, мне хотелось бы поговорить, в развитие вопроса академика Угрюмова Михаила Вениаминовича и кандидата экономических наук Лобанова Алексея Анатольевича, о предельных значениях.

Очень важно для управления знать предельные значения полученных индексов и их компонентных составляющих.

У Вас это есть.

А сделан ли переход от этих безразмерных агрегированных индексов к исходным переменным, с тем чтобы указать их предельные значения?

Потому что для управленцев важен не безразмерный агрегированный индекс, а значения конкретных показателей, т.е. не латентных переменных, которые Вам удалось сконструировать, а исходных переменных, которые можно измерить на основе установленной отчетности, специального наблюдения или какой-то иной эмпирической основы.

Сделана ли эта часть работы, доведены ли Ваши результаты до органов управления?

Хотелось бы это знать.

И, наверное, можно было бы говорить об улучшении эмпирической базы исследования.

Вы каким-то образом не привлекали те массовые регулярные обследования, которые с 2014 г. каждые два года проводит Росстат и которые включают до 160 тысяч домашних хозяйств или до 60 тысяч домохозяйств?

Это комплексное обследование уровня жизни населения (КОУЖ), последнее проводилось за 2022 год.

Аналогичные исследования проводятся в рамках долгосрочного Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ или RLMS), который поддерживается Институтом социологии РАН – ФНИСЦ РАН и НИУ ВШЭ.

Данные этих обследований позволяют строить панельные модели и выявлять эффекты переменных во времени.

А они как раз важны для раскрытия жизни домохозяйств: условий жизни, удовлетворенности, источников средств к существованию, ориентации на дополнительное образование и так далее.

Много чего социального содержится в этих обследованиях.

Спасибо большое.

Бахтизин А.Р.: Спасибо большое.

По поводу использования Росстата, в том числе РЛМС и так далее, я просто сегодня не рассказывал про

расчет индекса качества жизни по регионам России, который мы продолжаем осуществлять у себя в институте, – то, что заложил Сергей Артемьевич Айвазян.

Там как раз используется и статистика Росстата, и данные РЛИМС.

Спасибо большое за отдельное замечание по поводу увязывания всего этого в единую систему, когда можно на уровне отдельных показателей, регулируя воздействие на них, влиять на итоговый индекс.

Это, конечно, необходимая составляющая работы, которую мы также развиваем, но пока это еще в общую модель не увязано.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Профессор Тедеев, прошу Вас.

проф. ТЕДЕЕВ А.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ТЕДЕЕВ А.А.

д. ю. н., к. э. н., профессор, профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

Тедеев А.А.: Спасибо еще раз за блестящий доклад.

Очень короткий вопрос.

Как Вы считаете, такая методика, такой подход с известными поправками может или в принципе нет быть использован для оценки регионального развития внутри государства?

Или здесь фактор суверенитета и территориальной целостности, национальной целостности имеет все-таки определяющее значение?

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Спасибо большое.

Такая работа на самом деле проводится по региональному индексу.

Он по-другому просто называется.

То, что мы проводим, это оценка качества жизни. И коллеги еще проводят по трендам развития региональных экономик индексное взвешивание.

Кто только не проводит – в частности, Российский экономический университет имени Плеханова тоже использует факторный анализ для взвешивания региональных величин, с тем чтобы свести этот интегральный индекс.

Но есть нюанс, связанный, в частности, с набором показателей.

Для нашей страны все-таки принципиальное значение имеет – я уже косвенно про это говорил – громадная межрегиональная дифференциация.

К сожалению, мы здесь в антилидерах.

Это сумасшедшее расслоение по ключевым показателям, таким как ВРП на душу населения.

У нас в 60 раз разница в ВРП по сравнению с сопоставимыми странами, например, Индия – 10 раз, Китай – 5 раз, США – 2 раза.

В США, если считать без Вашингтона, 50 субъектов, и различие в ВРП на душу населения только в два раза, у нас – в 62 раза.

Поэтому большую коррективу вносит в вычисление региональных индексов эта большая дифференциация по ключевым показателям.

И нужно применять специальные методики для какой-то их балансировки, с тем чтобы региональный индекс можно было построить.

Но тем не менее работа такая ведется. И она достаточно актуальна.

Со временем мы думаем увязать это все в единую систему.

И страновой индекс, и региональный.

Спасибо.

акад. ТОСУНЯН Г.А. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сейчас, прежде чем предоставить слово Александру Владимировичу, я хотел бы продолжить вопрос Михаила Федоровича по поводу качества социальных институтов.

Михаил Федорович, я думаю, согласится, что на оба индекса влияют не только социальные институты, но и институты управления.

Они связаны, но институты управления – это очень, с моей точки зрения, важные элементы, вносящие свою лепту в национальную силу.

И мой вопрос Альберту Рауфовичу, а также Михаилу Федоровичу, если он разделяет эту позицию.

В какой степени социальные институты и институты управления влияют на национальную силу?

Бахтизин А.Р.: Вы знаете, я думаю, что это все-таки ключевое.

И может быть, одна из ошибок большинства индексов – это какой-то уклон в сторону экономических показателей, которые, несомненно, являются производными от социальных.

А социальные, они все-таки гораздо важнее.

Что получается по демографии?

К концу текущего века, по оценкам ООН, наиболее цитируемого поставщика демографических прогнозов, население стран Африки вырастет с 1 млрд до 4-4,3 млрд.

Россия опустится ниже 100 млн.

Нехорошо нас называют поставщики этого прогноза – «гигант по территории, пигмей по населению».

На самом деле именно такое будущее нам рисуют.

И это, конечно, наложит отпечаток абсолютно на все. И на экономическую мощь, и на производственные показатели, и на финансовые, и прочее, прочее, прочее.

Поэтому полностью с Вами согласен, что социальная сфера должна быть номером один.

И она должна быть объектом регулирования со стороны органов государственной власти, потому что она является критической.

Почему на таких высоких местах Китай и Индия?
За счет населения.

Со временем они свои позиции сохраняют.

И я думаю, что резко прибавят страны Африки к югу от Сахары.

Тосунян Г.А.: Альберт Рауфович, я неточно выразился, или Вы меня неправильно поняли.

Безусловно, очень важна роль социальных институтов.

Здесь я абсолютно с Вами согласен.

Но в моем представлении они отличаются от институтов управления.

Я спрашивал о качестве институтов управления.

Качество институтов управления, система управления насколько сильно влияет на национальную силу?

И насколько от нее зависят издержки и соответствующее место национальной силы?

Или я это разделение неправомерно провожу между социальными институтами и институтами управления...

Бахтизин А.Р.: Вы проводите сопоставление.

Индекс национальной силы – это же потенциал.

А управление этим потенциалом, когда мы говорим «управление», – это индекс национальной безопасности.

Насколько различается для России, насколько совпадает для США и Китая.

То есть там они лидерство сохраняют, Россия лидерство теряет, и еще как, к сожалению.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Пожалуйста, заведующий кафедрой РАНХиГС Александр Владимирович Турбанов, наш коллега, многие годы работал в Центральном банке, позже создавал систему страхования вкладов и руководил ею.

проф. ТУРБАНОВ А.В. – чл.-корр. БАХТИЗИН А.Р.

ТУРБАНОВ А.В.

д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой «Регулирование деятельности финансовых институтов» РАНХиГС при Президенте РФ

Турбанов А.В.: Мой вопрос: на основании каких факторов Вы решили, что Центральный банк следует переподчинить Правительству?

Думаю, не дай Бог.

Результат будет прямо противоположен Вашим благородным намерениям.

Бахтизин А.Р.: Спасибо за вопрос.

Это никак не учитывается при расчете индекса национальной силы, это субъектность Центрального банка.

Это просто часть той программы по нормализации ситуации, которую мы в течение года писали.

Связана она с несколькими факторами сразу.

Совместно с группой коллег из числа экспертов канала «Соловьев Лайв» мы проводили замеры уровня монетизации нашей страны, сопоставление с различными историческими периодами и по нашей стране, и по ряду других стран.

Одна из ошибок в политике Центрального банка нам видится в том, что уровень монетизации нашей экономики сильно занижен.

Занижен искусственно.

Дело в том, что есть определенные догматические установки, основанные на расчетах с применением соответствующего инструментария, который использует МВФ и автоматически использует Центральный банк.

Применение этих равновесных моделей, когда их используют напрямую и проводят в рамках модельного счета эмиссию денежных средств, приводит к снижению темпов экономического роста и к росту инфляции.

Модификация этих моделей, которые мы разработали, например, у себя в ЦЭМИ вместе с Валерием Леонидовичем Макаровым, включает учет эндогенного фактора научно-технического прогресса, который позволяет сорбировать эти деньги в рамках моделей.

Таким образом, денежные вливания, наоборот, приводят и к увеличению темпов экономического роста, и к снижению инфляции.

И это апробировано.

Поэтому догматические установки, основанные на применении модельных комплексов с закрытыми коэффициентами, расчет по которым приводит к тем результатам, о которых я говорил, на наш взгляд, являются неверными.

Политика в этой сфере нам представляется несколько ошибочной.

Также расцениваем как ошибочную политику увеличения процентной ставки.

Вот эти две вещи мы обсчитывали, и они никак не связаны напрямую с индексами национальной силы, но они являются частью программы, которая у нас по-своему количественно обоснована.

Она была представлена на Московском академическом экономическом форуме.

*акад. ТОСУНЯН Г.А., проф. МЕДВЕДЕВ П.А.,
чл.-корр. БАХТИЗИН Р.А.*

Тосунян Г.А.: Спасибо. Альберт Рауфович, здесь опять некоторое смешение содержательных вопросов.

Я возьму на себя смелость сказать, что так, как критикует Центральный банк Ассоциация российских банков и ее представители – участники рынка, не критикует никто.

В том числе и по тем вопросам, которые Вы перечислили.

Но из нашей критики никак не следует, что нужно переподчинить Центральный банк Правительству, и тогда вопросы будут решены.

Потому что нарушение принципа «разделения властей», в том числе и в самой финансовой сфере, в том числе и в государственном управлении, и даже в отдельно взятой крупной корпорации, всегда приводит к гораздо более негативным последствиям.

Мы, увы, объединили все направления финансового рынка под мегарегулятором в лице Банка России.

Это была как раз наша ошибка, что мы слишком многое включили в компетенцию Центрального банка.

Он и мегарегулятор, и нормотворец, и участник рынка, он и выдает лицензии, и отзывает лицензии, он занимается расчетами и многими другими финансовыми операциями и одновременно контролирует всех и вся на финансовом рынке.

Словом, по своим же правилам и управляет, и торгует, и казнит и милует, все в одном лице!

Эту монополию на управление гигантским сегментом экономики, каковым является финансовый рынок, нельзя «исправлять» путем включения Банка России в систему Правительства России.

Но из справедливо критических соображений нельзя делать, с моей точки зрения, ошибочные выводы.

Это весьма опасно.

Медведев П.А.: Вы знаете, везение огромное.

Вы пришли на тот самый семинар, где совсем недавно квалифицированный экономист доказал, что между монетизацией и скоростью роста экономики нет никакой связи.

Более того, один из участников этого семинара, человек с фантастической интуицией, который как раз думал, что монетизация подталкивает рост экономики, привел пример в пользу, как он думал, этого своего соображения.

Он попросил представить, что вместо 220 вольт в сети будет 100 вольт.

Какой вы произведете эффект с помощью 100 вольт?

Я не успел этому замечательному ученому что-то сказать.

Он не обязан про электричество ничего знать, а я обязан.

Я хочу привести этот замечательный пример удивительной интуиции этого экономиста.

Сейчас, действительно, в сети 220 вольт, и многие работы выполняются с этим напряжением.

А вся моя молодость прошла при 127.

Но в Соединенных Штатах до сих пор 110.

А в «мокрых» помещениях России стандарт 36.

Перед моим домом в рамках реновации строится огромное здание, там какие-то огромные трубы режут и сваривают, режут и сваривают.

Я подошел и спросил: а у вас какое напряжение? 12 вольт.

Так вот, чтобы снять определенную мощность, совсем не важно, какой иметь вольтаж.

Игорь Логинов вам даст координаты этого человека.

Это настоящая, хорошая научная работа.

Он преодолел очень многие ошибки, которые псевдоученые высказывали, когда доказывали ровно наоборот.

Да, нужно, чтобы монетизация была побольше, тогда скорость будет побольше.

Нет, не так.

Он построил и доказал хорошее регрессионное уравнение.

Спасибо.

Бахтизин А.Р.: Спасибо, я с удовольствием ознакомлюсь.

Я вообще сторонник разных точек зрения, за счет этого, может быть, и истина родится.

Но я хочу сказать, что наши расчеты, которые тоже носят конкретный характер, с хорошими статистическими характеристиками, модельным комплексом, показывают,

что монетизация является одним из параметров национальной силы.

Медведев П.А.: Вы знаете, здесь речь идет не о точке зрения, а о науке, об арифметике. Ознакомьтесь.

Тосунян Г.А.: Павел Алексеевич, монетизация – отдельная важная тема.

И по этому поводу критика Центрального банка имеет право на жизнь.

И по поводу процентной ставки.

На самом деле цель регулятора должна быть на снижение процентной ставки, на доступность кредитов и развитие кредитного рынка, а не на сокращение количества участников рынка.

Все эти темы мы неоднократно обсуждали, они достойны серьезного научного анализа.

Только из всего этого никак не следует, что надо переподчинить ЦБ Правительству, Госдуме или кому-то еще.

Не таким образом решается эта проблема.

Точно так же, как вопрос, на котором я акцентировал внимание.

Не путем запретов стимулируется снижение оттока капитала и оттока интеллекта.

Есть более эффективные противоположные подходы.

И не дай Бог, кто услышит такие рекомендации науки.

Тем более за ними стоят такие выдающиеся умы, как ЦЭМИ, академик Макаров и другие.

Переподчинят и скажут: ученые на этом настаивают.

Предлог всегда можно найти, а таких желающих много.

Это при том, что – еще раз напомню – я не являюсь сторонником проводимой Центральным банком денежно-кредитной политики. Я в большей части ее критик.

Коллеги, мы эту часть полемики завершаем.

Мы можем выслушать второй доклад и затем вернуться к этим обсуждениям и обобщениям.

Кстати, в чате есть вопросы.

Я попрошу и Вас, Альберт Рауфович, и второго докладчика отслеживать вопросы в чате.

И после второго доклада ответить.

Медведев П.А.: Имя того ученого, которого я забыл, Евгений Горюнов.

Тосунян Г.А.: Хорошо, коллеги, давайте перейдем ко второму вопросу.

Итак, «Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против».

Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Момджян Карен Хачикович.

ДОКЛАД 2

МОМДЖЯН К.Х.

д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ГИПОТЕЗА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Прежде всего я хочу поблагодарить Гарегина Ашотовича за приглашение выступить перед столь компетентной аудиторией, которая обсуждает актуальнейшие проблемы экономической и социальной жизни страны.

И в этой связи, скажу сразу, я чувствую некоторый дискомфорт, поскольку собираюсь говорить на весьма отвлеченную, как может показаться, тему.

У меня не будет цифр, будет много слов.

Речь пойдет о классической для философии проблеме общественного прогресса, при этом под прогрессом понимается развитие от менее совершенных, худших форм общественной жизни к ее более совершенным, лучшим формам.

При всей своей абстрактности эта проблема имеет большое мировоззренческое значение, поскольку представления о прогрессе напрямую влияют на мироощущение людей, формируя у них оптимистический или пессимистический взгляд на историю.

Известный британский историк Сидни Поллард в этой связи сказал, я процитирую: **«От веры в прогресс зависит душевное здоровье нации».**

А альтернативой этой веры «может быть только всеобщее отчаяние».

Можно уверенно сказать, что на протяжении многих веков идея прогресса представляла собой, словами британского философа, историка Кристофера Доусона, рабочую веру европейской цивилизации.

Ему вторит известный американский социолог Роберт Нисбет, который был уверен в том, что ни одна идея не была более важной в истории европейской культуры, чем культура прогресса.

Конечно, среди европейских мыслителей существовали пессимисты, которые были убеждены в том, что золотой век человечества остался позади, были сторонники циклического понимания истории.

Тем не менее можно смело утверждать, что до XX века идея прогресса была доминантой европейского менталитета, в которую верили почти все, хотя объясняли по-разному.

Была лишь одна беда.

Она состояла в том, что многие мыслители развивали идею прогресса в ее историцистской форме.

Историцизм – это термин Карла Поппера, который обозначает теорию, согласно которой событийная человеческая история, которую творят биографические конкретные люди, предопределена некоторыми объективными законами, которые от человеческой воли не зависят.

И отсюда следовало, что человечество обречено на прогресс.

Оно не может не прогрессировать, точно так же, как металлические тела не могут не расширяться при нагревании.

Добавьте к этому, что очень многие историцисты рассматривали прогресс как развитие линейное.

То есть полагали, что речь идет о неуклонном, постоянном совершенствовании общественной жизни.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что реалии XX века разбили эту оптимистическую иллюзию.

Вместо вечного мира мы получили войны с миллионами убитых, вместо царства свободы мы получили ужасы Освенцима и ГУЛАГа.

Вместо расцвета культуры мы получили ее омасовление и коммерциализацию.

Научные и технологические достижения завершились техногенными и экологическими катастрофами.

Одним словом, **XX век с присущим ему бегством от свободы, обыденностью зла** (я воспроизвожу заголовки известных работ Эриха Фромма и Ханны Арендт) превратился, по словам Евгения Евтушенко, «в газовую камеру человеческих надежд».

Нет ничего удивительного в том, что на этом фоне западные интеллектуалы кардинально развернулись и стали считать разговоры об общественном прогрессе чем-то неприличным.

В 1988 году меня тряс за грудки профессор Милтон Фиск из Висконсинского университета, как раз после разговора об общественном прогрессе.

Он сказал мне: «Карен, Вы не похожи на идиота. А это значит, что Вы циник».

Правда, этот разговор шел после серьезного застолья, поэтому излишняя эмоциональность в данном случае вполне простительна.

Кто оставался оптимистами?

Оптимистами оставались советские философы и идеологи, которые были убеждены в том, что все кризисные явления XX века – это не что иное, как конвульсии умирающего капитализма и родовые муки становящегося нового коммунистического общества.

Я хотел бы несколько слов сказать об этом.

Я не отношусь к числу людей, которые черной краской мажут историю собственной страны.

Я глубоко убежден, что советская история знаменуется многими успехами и даже грандиозными прорывами, если говорить о победе в великой войне, об освоении космоса и так далее.

Однако я настаиваю на том, что все эти успехи были достигнуты на почве государственного строительства, в результате которого возникла мощная держава.

Но отнюдь не возникло свободного общества свободных людей, которое было доктринальной целью большевизма.

Никакого отношения советский строй к социализму и в том виде, в котором он существовал в первобытной истории, и в том виде, в котором он, по мысли Маркса, должен был прийти на смену капиталистической организации общества, не имел.

Аргументы в пользу этой точки зрения хорошо известны.

Их первыми, наверное, начали развивать Карл Витфогель и его сторонники.

Основой коммунизма и социализма теоретически и практически, если мы говорим о прошлом коммунизме, является обобществление решающих средств производства, а вовсе не их огосударствление, которое произошло в Советском Союзе.

Я должен вам напомнить, что Маркс и Энгельс ругательно ругали теоретиков, которые считали, что экономической основой социализма является огосударствление.

Чтобы не быть голословным, приведу цитату.

Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: **«В последнее время, с тех пор, как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, объявляющий социалистическим всякое огосударствление».**

Маркс и Энгельс рассматривали огосударствление как первый шаг к строительству социализма.

Государство победившего пролетариата берет в свои руки производительные силы и передает их людям.

После чего прекращает свое фактическое существование.

В России осуществился совсем другой сценарий.

Государственный аппарат взял в свои руки средства производства и никому их не передал, превратив эти средства производства в свою корпоративную собственность.

Что произошло в итоге?

Совсем не социализм.

Произошла реинкарнация общественного строя, который существовал еще в Древней Месопотамии шесть тысяч лет тому назад.

Строя, который Карл Маркс называл азиатским способом производства.

Поразительным образом многие – не все, но многие – особенности этого строя были воссозданы в европейской, а не азиатской стране.

На индустриальной, а не на сельскохозяйственной основе.

И плюс к тому руками людей, идеология которых, конечно, не имела ничего общего с восточным деспотизмом.

Современные исследователи, прежде всего нужно отметить Юрия Ивановича Семенова, называют такое общество, в котором не власть является функцией собственности, а собственность является функцией власти, политарным.

В таком обществе исчезает не частная собственность, в таком обществе исчезает всего лишь парцеллярная форма частной собственности.

А корпоративная собственность государства является средством прямой эксплуатации людей, которых торжественно провозгласили собственниками, а на самом деле лишили всякой возможности владеть и распоряжаться средствами труда в своих собственных интересах.

Теперь я вновь вернусь к теме общественного прогресса.

Отношение современных мыслителей к теме прогресса можно передать одной фразой.

Она принадлежит Жану-Франсуа Лиотару, который говорит о конце «великих басен».

И вот одной из этих великих басен он называет метарассказы об общественном прогрессе.

Конечно, надо сказать, что у европейских мыслителей был краткосрочный всплеск исторического оптимизма.

Когда распался Советский Союз, многие либеральные теоретики вслед за Фрэнсисом Фукуяма решили, что наступил конец истории.

То есть человечество обнаружило оптимальную модель общественной организации, которая далее изменяться не будет.

На наших глазах выясняется, что это тоже иллюзия.

Человечество вновь вступает в фазу развития, которую синергетики называют бифуркацией, а британский антрополог Бронислав Малиновский называл эпохой негарантированных исходов.

То, что я говорил до сих пор, касается фактологической критики общественного прогресса, которая исходит из того, что самого события прогресса в человеческой истории нет.

Есть краткосрочные поступательные движения, которые не дают никакой оптимистической общей картины.

Но есть и иная форма критики идеи прогресса, которую я называю методологической.

Это убеждение в том, что прогресса не просто нет, но его и не может быть по той простой причине, что не может быть никогда, как говорил ученый сосед из известного произведения Антона Чехова.

В чем тут дело?

Люди исходят из того, что суждения о прогрессе имеют оценочный характер.

Они основаны на человеческих предпочтениях, а эти предпочтения априори субъективны и потому не должны использоваться наукой, которая призвана искать истину, не зависящую от наших предпочтений.

В самом деле, будет ли кто-нибудь из вас спорить со мной, если я скажу, что при определенных параметрах давления вода закипает при ста градусах Цельсия?

Я думаю, с этим согласятся все.

Это дескриптивное суждение, суждение факта, которое подлежит верификации и фальсификации.

А теперь я вам предложу другое суждение.

Я утверждаю, что блондинки красивее, чем брюнетки.

А человек, который не признает этого обстоятельства, находится в плену невежества.

Совершенно очевидно, что в этой ситуации вы мне скажете: друг мой, вы имеете право верить в то, что блондинки красивее, но вы не имеете права навязывать свое ценностное предпочтение другим людям, выдавая это предпочтение за истину.

Совершенно бессмыслен научный спор о том, является ли прогрессом изобретение скорострельного пулемета.

Потому что у Михаила Калашникова и у матери Терезы будут совершенно разные представления об этом вопросе, и никакие аргументы их не убедят.

Суть такой методологической критики прогресса сформулировал известный социолог **Леопольд фон Визе.**

Он утверждает: «Ученый может и должен констатировать факт социального изменения.

Он может и должен прогнозировать развитие событий.

Но он не имеет права оценивать социальные изменения в терминах прогресса, регресса, совершенствования, ухудшения, если он хочет оставаться ученым, не превращаясь в социального проповедника».

Эта точка зрения основывается на идеях выдающегося немецкого философа и социолога Макса Вебера, который в свое время требовал освободить науку от оценочных суждений на этих самых основаниях.

Они субъективны, они не поддаются верификации, и наука ими пользоваться не должна.

Я привел вам аргументы против общественного прогресса, а сейчас я постараюсь привести аргументы за.

Начну с того, что я совершенно не согласен с методологической критикой общественного прогресса, которая требует освободить науку от любых оценок на том простом основании, что оценки бывают разные.

Мы, философы, выделяем два типа оценочных суждений: суждения ценности и суждения значимости.

Что такое ценность?

Это мотивационное предпочтение человека, которое связано с выбором им конечных целей существования в мире.

Что такое конечная цель?

На философском языке это самозамкнутый субстанциональный сигнал, относительно которого становится бессмысленным вопрос: «Зачем?»

Предположим, я спрашиваю у студента: «Зачем поступил в университет?»

Он говорит: «Хочу получить хорошее образование».

Я говорю: «Зачем тебе хорошее образование?»

Он говорит: «Хочу иметь интересную высокооплачиваемую работу».

Я говорю: «А зачем тебе хорошая высокооплачиваемая работа?»

Он говорит: «Я хочу обеспечить комфортное существование себе и своим близким».

Я говорю: «А зачем тебе жить комфортно?»

И в этот момент на это «Зачем?» уже никаких ответов нет.

Не «зачем», а «почему».

Человек устроен так, что стремится жить хорошо и не стремится жить плохо.

Тосунян Г.А.: В этом контексте, уместен анекдот, когда лежит темнокожий под пальмой.

Белый проходит, говорит:

– Ну, что ты лежишь? Пойди поработай.

Он говорит:

– Зачем?

– Зарабатываешь деньги, поедешь учиться в хороший вуз.

– Зачем?

– Окончишь хороший вуз, будешь много зарабатывать.

– Зачем?

– Сможешь ездить на курорты и лежать под пальмами.

– Я и так лежу под пальмой.

Момджян К.Х.: Спасибо.
Это очень уместный анекдот.

Очень коротко о конечных целях существования.
У каждого человека их две.

Первая цель: всякий психически здоровый человек имеет генетически заданное – инстинктоподобное, как говорит Абрахам Маслоу, – влечение длить свою жизнь.

Вторая цель: всякий психически здоровый человек стремится к тому, что он считает лучшим для себя, и не может стремиться к худшему как к самоцели.

Худшее всегда есть средство обретения лучшего.
Отменить эти инстинктоподобные влечения человек не может, но он может ранжировать и даже блокировать их.

Мы называем это свободой воли, которая представляет собой способность человека выбирать поведенческие реакции на безальтернативные влечения, подвергая эти влечения должной мотивационной экспертизе.

Что это значит?

Всякий человек имеет влечение жить.

Но это не мешает людям делиться, согласно Абрахаму Маслоу, на два типа: людей с так называемой Д-мотивацией и людей с Б-мотивацией.

Люди с дефицитной мотивацией, с Д-доминантой, полагают, что высшим благом и высшей ценностью является сам факт жизни, биологическое существование в среде.

А люди с бытийной мотивацией, Б-доминантой, полагают, что в нашей жизни есть ценности поважнее, чем жизнь.

Одни утверждают: живая собака лучше мертвого льва.

А другие говорят: лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Да, я умру, но до последних секунд своей жизни я сохраню ценности, которые ставлю выше, чем жизнь: достоинство, свободу и далее по списку.

Если я спрошу: а какой из этих мотивационных выборов является праксиологически верным и гносеологически истинным?

У кого есть ответ на этот вопрос – кто прав, кто ошибается в этом споре?

Или другой пример.

Всякий человек, как я уже сказал, стремится к лучшему, но представления о лучшем у людей очень и очень разные.

Одни предпочитают свободу безопасности, другие предпочитают безопасность свободе.

Одни предпочитают карьерный рост семейному счастью, другие предпочитают гедонистические удовольствия долголетию, и так далее.

И вновь встает все тот же вопрос: права ли Майя Плисецкая, которая пожертвовала материнством ради высокого искусства?

Или права домашняя хозяйка, гордая своими хорошо воспитанными детьми?

Ответ на этот вопрос очень простой.
Каждому свое.

Это означает, что во всех случаях, когда речь идет о конечных целях жизни, ценностные предпочтения людей не подлежат гносеологической экспертизе.

Еще великий Дэвид Юм доказал, что должное в нашем мире не выводится из сущего и не сводится к нему.

Так устроен мир.
С этим ничего не поделаешь.

Ну, и последний пример.

В мире идут ожесточенные споры о том, следует ли запретить аборт или следует их разрешить.

Давайте спросим у спорящих: а чего вы спорите, кто вы по профессии?

Вы разве разбираетесь в том, о чем идет речь?

Напишите коллективное заявление в Академию наук.

Пускай Гарегин Ашотович рассмотрит его, даст задание ученым, которые сформулируют однозначное решение этой проблемы по принципу «да» или «нет».

Такого решения, согласитесь, теоретически быть не может по той простой причине, что речь идет о взаимонесводимых ценностных предпочтениях.

Сторонники абортов исходят из того, что свобода женщины распоряжаться своим телом стоит выше самоценности жизни, противники придерживаются альтернативной точки зрения.

И ни одно из этих предпочтений не может быть доказано или опровергнуто средствами науки.

Поэтому Макс Вебер, несомненно, прав: наука не имеет права использовать оценки, если этими оценками являются суждения ценности.

Но есть другой тип оценочных суждений, я называю его суждениями значимости.

Что это такое?

Очень кратко.

Есть два вида суждений значимости.

Одни из них связаны с безальтернативными предпочтениями человеческого тела, которое не обладает свободой воли, существует по законам биологии в диапазоне объективно полезного и объективно вредного.

Поэтому, если я говорю, что курить вредно, кто из вас скажет, что это утверждение не может быть верифицировано и доказано средствами науки?

А ведь это оценочное суждение, которое касается не собственных свойств табака, а его значения для человеческого здоровья.

Тем не менее мы можем и должны использовать это суждение как вполне научное.

Впрочем, людей моей профессии интересуют другие суждения значимости, которые связаны с оценкой средств достижения конечных целей.

В этом случае возникает ситуация, которую великий Гете описал словами: «...свободен только первый шаг, но мы – рабы второго».

Это означает, что вы свободно выбираете желаемую цель, а дальше попадаете в ситуацию детерминационной зависимости, связанную с тем, что характер цели предопределяет характер средств, которые годны или не годны для ее достижения.

Вот на таких суждениях значимости строится научная теория общественного прогресса.

Она неприменима к субстанциальным социальным явлениям, то есть явлениям самоцельным, способным к самопорождению, самоподдержанию, саморазвитию.

Но теория прогресса стопроцентно применима к функциональным объектам и институтам, имеющим назначение.

В этом случае мы имеем объективные критерии оценки, связанные с тем, что избранный инструмент либо справляется, либо не справляется с функциями, которые на него возложены.

Я привожу своим студентам пример с автомобилями, утверждая, что BMW X5 лучшая машина, чем Жигули «копейка».

Это что, суждение вкуса?

Или это суждение, которое может быть обосновано, доказано, поскольку основывается на строгом инженерном расчете?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять: автомобиль – это субстанциальный объект или функциональный?

Тосунян Г.А.: Нет, это просто антипатриотическое суждение.

Момджян К.Х.: К сожалению, еще нет российской машины того же класса, которую я мог бы использовать вместо BMW.

Все мы понимаем, что автомобиль – это функциональный объект, предназначенный, поправьте меня, если ошибаюсь, для быстрого, комфортного и безопасного перемещения в пространстве.

Простой вопрос: какая из машин лучше справляется с этой функцией?

Я заявляю своим студентам: «Не смейте мне говорить, что Жигули лучше, потому что у вас на Жигули деньги есть, а на BMW денег нет».

На том основании, что вы не можете себе позволить хорошую вещь, нельзя утверждать, что хорошая вещь является плохой.

Плохой в этой ситуации является ваша зарплата, но никак не вещь.

Вот это логика функциональной теории общественного прогресса.

Люди имеют полное право считать плохой армию, если она не справляется с возложенной на нее задачей обеспечения национальной безопасности.

Мы можем считать экономику хорошей, если она оптимизирует отношения распределения и обмена в интересах и производителей, и потребителей.

Остается сказать несколько уточняющих фраз.

Первая: если вы принимаете функциональную теорию общественного прогресса, необходимо различать две его формы.

Первая форма – это прогресс в обществе, а вторая форма – это прогресс общества.

В чем состоит различие между ними?

В первом случае, говоря о прогрессе в обществе, мы говорим о поступательном развитии отдельных подсистем, компонентов и элементов, образующих самодостаточную социальную систему, именуемую обществом.

Кстати, в этой ситуации моя наука может быть весьма полезна экономистам и другим обществоведам, потому что социальная философия предлагает вам продуманную структурную модель общества, разные части которого изучаются социальными науками.

Именно мы, в частности, даем ответ на вопрос, как соотносятся социальные и организационные структуры,

который сегодня задавал Гарегин Ашотович, именно мы различаем подсистемы общества и уклады общественной жизни, которые часто путают обществоведы.

Но это уже другая тема.

Вернемся к вопросу о прогрессе в обществе.

Вы, наверное, согласитесь со мной, что и промышленность, и здравоохранение, и искусство, даже мораль имеют некоторое функциональное назначение, с которым они могут справляться или могут не справляться, что дает нам основание для суждений об их возможной прогрессивности или регрессивности.

Конечно, возникает множество сложностей.

В случае с медициной все очевидно.

Александр Сергеевич Пушкин получил на дуэли ранение, которое для медицины его времени было совершенно неоперабельным.

Современный полевой хирург скажет, что при условии своевременной хирургической помощи шансы спасти поэта были, условно говоря, 70 против 30.

Можно ли сомневаться в том, что медицина, которая справляется с ранее неизлечимыми болезнями и существенно продлевает продолжительность жизни, очевидно прогрессирует?

Наверное, вы согласитесь с тем, что прогрессирует промышленность, способная создавать лучшие вещи с меньшими затратами и меньшим экологическим ущербом для среды.

Наверное, вы не будете спорить с тем, что прогрессирует наука, позволяющая нам знать все больше о все большем.

Правда, в книге Екклесиаста сказано, что многие знания – многие печали.

Но это суждение не ставит под вопрос прогресс науки, речь идет о последствиях этого прогресса, о его цене.

А дальше начинаются сложности.

Прогрессирует ли политика?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны знать, что такое политика.

Говоря коротко, это такая форма человеческой деятельности, которая должна создавать и путем властной регуляции оптимизировать формы общения людей – организационные связи совместной деятельности, которые делают совместное существование людей наиболее эффективным и наименее опасным.

Как реализуется эта функция в истории?

Можем ли мы утверждать, что имеет место прогресс и мы живем во все более безопасном и во все более организованном, свободном от хаоса мире?

Я не готов утверждать нечто подобное, несмотря на то, что признаю несомненный прогресс управленческих технологий, который, увы, сопровождается колоссальным осложнением управленческих задач.

В результате, если вы спросите меня, что управляется лучше – современная Россия или Афинский полис, я затруднюсь с ответом на этот вопрос.

Ситуация осложняется тем, что сами управленческие технологии иногда бывают внутренне дефектны.

Об этом в свое время писал Раймон Арон, имея в виду представительскую демократию, которую мы считаем наиболее эффективной формой политического управления.

Тем не менее эта форма, по убеждению Арона, имеет неустранимый внутренний дефект.

Его суть состоит в том, что управляемые адресуют управляющим два взаимоисключающих требования.

Первое, чтобы ими управляли мудро, а второе, чтобы ими управляли в соответствии с их желаниями.

Одна из самых сложных проблем, связанных с прогрессом в обществе, – это наличие поступательного развития в искусстве.

Кто из вас готов утверждать, что прогресс в нем существует, поскольку Толстой – это лучший писатель, чем Шекспир, а композитор Шостакович несомненно превосходит композитора Баха?

И тем не менее я берусь за 10 секунд убедить любого из вас, что прогресс существует и в этой специфической сфере.

Чтобы сделать это, нужно различить две формы прогресса в обществе – прогресс как совершенствование и прогресс как прибавление, как аккумуляция значимых результатов человеческого труда.

На этом основании я считаю возможным утверждать, что музыка, в которой есть и Бах, и Бетховен, богаче музыки, в которой есть только Бах.

И в этом отношении она, безусловно, предпочтительнее для слушателей.

Самый сложный вопрос (на него, наверное, лучше ответил бы Абдусалам Абдулкеримович) – это **вопрос о том, существует ли прогресс морали.**

Я отвечаю на этот вопрос отрицательно, хотя признаю, что несомненно наличие прогресса в нравах, которые представляют собой социализацию морали, внешнее ее проявление.

Раньше люди собирались смотреть на публичные казни, раньше к душевнобольным относились как к животным, а тюремная практика была очень и очень жестокой.

Сейчас все это как будто смягчается, и мы лучше относимся к людям, которые не всегда заслуживают нашего хорошего отношения.

Но готовы ли вы утверждать, что в современном мире стало больше совестливых, добрых людей, принимающих чужую беду как свою?

Я воздержался бы от таких утверждений.

Думаю, мы имеем дело с ситуативной этикой, в которой мера нашей моральности зависит не столько от внутренних убеждений, сколько от соображений сугубо практических.

Дело в том, что многие современные люди живут в цивилизованном обществе, в котором пряник оказался эффективнее кнута, сотрудничество оказалось эффективнее вражды, а свобода, как говорил известный нам политический руководитель, оказалась эффективнее несвободы.

В результате этих изменений люди ведут себя терпимо в отношении себе подобных, поскольку понимают, что нетерпимое поведение является контрпродуктивным, не приводит к желаемым результатам.

Маргарет Тэтчер в этой связи говорила: «Violence doesn't pay» (насилие не окупается).

Я не думаю, что такой организационный прогресс, который ведет к минимизации неадаптивных моделей поведения, стоит выдавать за прогресс морали.

Нет никаких гарантий того, что изменение благоприятной конъюнктуры не приведет к восстановлению весьма архаичных форм поведения.

Лично я поверю в прогресс морали только в том случае, если акты насилия будут вызывать у всякого человека тошнотворную реакцию не только в том случае, когда людей избивают и убивают на улицах, но и когда это происходит на экранах кинотеатров или в компьютерных играх.

Несколько слов о другой форме общественного прогресса, которую я называю прогрессом общества как самодостаточной реальной социальной группы.

Возникает вопрос: можем ли мы сравнивать как лучшие и худшие конкретные общества, существовавшие в истории?

К примеру, можем ли мы считать современную Россию более совершенной моделью общественного устройства, чем, скажем, итальянский социум времен Возрождения?

Ответ на этот вопрос зависит от того, какую позицию вы занимаете в споре двух философских концепций, которые Карл Поппер называл методологическим коллективизмом и методологическим индивидуализмом.

Спорят эти концепции по вопросу о социальной субъектности.

Кто в общественной жизни обладает свойствами субъекта, то есть способен жить, реализуя собственные потребности, интересы и цели?

Жить, а не функционировать, реализуя внешнюю, не собственную цель.

Сторонники методологического коллективизма настаивают на существовании интегративного социального субъекта, каковым является прежде всего человеческое общество.

Жесткая разновидность методологического коллективизма отказывается считать отдельных людей субъектами, рассматривая их как несамоцельные «клетки» общественного организма, существующие в целом и ради целого.

Конечно, случается так, что клетка начинает реализовывать собственную программу, не санкционированную организмом, как это происходит в случае с раковой опухолью, которая подлежит хирургическому удалению.

Если вы стоите на позициях методологического коллективизма, вопрос о прогрессе общества как интегративного субъекта становится бессмысленным.

Так понятое общество живет, а не функционирует, разные общества имеют разный образ жизни, сравнение которых связано с неverified ценностными предпочтениями.

Согласитесь, бессмысленно спорить о том, кем лучше быть – мужчиной или женщиной?

Или, где лучше жить – в городе или в деревне?

Вы вправе свободно выбирать предпочтительный образ жизни, и, если этот выбор осознанный, никто не может обвинять вас в гносеологической ошибке.

С позиции умеренного методологического индивидуализма, которую я занимаю, проблема решается иначе.

Эта теория исходит из того, что субъектными свойствами – собственными потребностями, интересами и целями – обладают только отдельно взятые люди.

Что касается общества, оно с позиций умеренного методологического индивидуализма, не склонного к номиналистическим крайностям, представляет собой не субъектную, а институциональную реальность.

Общество – это функциональный институт, который должен служить не собственным целям, их у него нет, а целям, которые присущи живущим в обществе людям.

Общество существует для людей, а не люди для общества.

Если вы стоите на этой позиции, у вас возникает объективный критерий сопоставления обществ как прогрессивных и регрессивных.

Что это за критерий?

Для меня ответ совершенно очевиден.

Я полагаю, что критерием прогрессивности общества является его способность обеспечивать высокое качество человеческой жизни, которое измеряется степенью удовлетворения соматических, экзистенциальных, социальных потребностей человека.

(Кстати, и в этом отношении моя наука может помочь экономистам, предложив грамотную типологию человеческих потребностей и интересов, которая важна для понимания экономической эффективности общества.)

Логика этой позиции весьма простая.

Общество, в котором люди живут до 80 лет, в котором они защищены от болезней, насилия, произвола, общество, где люди могут свободно выбирать свою судьбу, имеют возможности для самоактуализации, лучше, чем общество, в котором люди живут до 30 лет, страдают от голода и принуждения, не способны самостоятельно решать, где им жить, кем им быть и так далее.

Именно такой логикой пользуется Организация Объединенных Наций, расставляя разные страны по ранжиру, связанному с качеством человеческой жизни.

Приведенное понимание прогресса общества следует сопровождать двумя оговорками.

Первое.

Нужно понимать, что разные подсистемы общества развиваются с разной динамикой.

Иногда это развитие может быть весьма противоречивым.

Вспомним ранний капитализм.

Колоссальный технологический прогресс, имевший тяжелейшие социальные последствия, которые побудили Маркса уподобить капиталистический прогресс древнему идолу, который пил нектар из черепов убитых им людей.

Поэтому, рассуждая о прогрессе общества, мы не должны абсолютизировать наличное его состояние. Мы должны принимать во внимание потенциал развития и возможные болезни роста.

И второе уточнение.

В рассуждениях о прогрессе общества следует помнить старый анекдот о средней температуре по больнице.

В обществе существует социальное неравенство, и поэтому при оценке степени его прогрессивности нужно использовать армейское правило – «зачет по последнему».

То есть о состоянии общества следует судить по состоянию наиболее неблагоприятных его слоев, сопоставляя современного французского рабочего не с римским патрицием, а с римским рабом.

Итак, коллеги, я глубоко убежден, что мы имеем объективные критерии для оценки функциональных социальных институтов и обществ, взятых в целом, как более или менее прогрессивных.

Более того, мы можем рассуждать о прогрессивности или регрессивности целых эпох развития человечества.

Важно, однако, понимать, что эта оценка всегда является оценкой постфактум.

Мы оцениваем с вами то, что уже совершилось, но мы не в состоянии оценивать непредсказуемое будущее.

Мы можем констатировать, что, несмотря на досадные утраты, человечество последние 40 тысяч лет в целом прогрессировало.

Но отсюда не следует, что эта тенденция сохранится в будущем.

Общество не обречено на прогресс.

Прогресс является делом человеческих рук, он зависит от мудрости и трудоспособности людей, их умения находить нестандартные решения нестандартных задач.

Я назову два условия прогресса.

Первое – люди должны уметь делать то, что делать необходимо.

А второе, значительно более сложное – люди должны уметь не делать то, чего делать нельзя.

Необходимо обуздывать эгоизм и контролировать эмоции, что удается, к сожалению, далеко не всем и далеко не всегда.

Благодарю за внимание.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Блестящий доклад!

Благодарю члена-корреспондента РАН Владимира Валерьевича Васильева, который рекомендовал мне пригласить Вас на наше заседание.

Доклад не только кажется мне содержательным, но привлекает и сама методология изложения, обозначенная причинно-следственная связь, аргументация, емкое формулирование тезисов, близкое к математическим формулам.

Некоторые наши заседания мы издаем в книжной форме.

Сейчас вышел сборник про Китай, тема которого у нас обсуждалась в ноябре 2022 года.

Наши сборники – это особый жанр, потому что это и не журнал, и не монография, это наша с вами полемика.

Когда я составляю и редактирую эти сборники, я особое внимание обращаю на те яркие тезисы, ключевые мысли, фразы, умозаключения, которые произносятся докладчиками и участниками нашей дискуссии.

Причем стараюсь делать так, чтобы это визуально легко и быстро воспринималось.

Люди сейчас мало читают «от и до».

Но пролистывать по диагонали мы еще не отучились.

Мне издатель говорит, что его приятно удивляет, как часто посетители издательства открывая наши сборники, цепляются взглядом за отдельную фразу или мысль, и просят дать книгу.

В сегодняшних докладах я увидел много того, что найдет такой интерес у тех, кто возьмет просто полистать сборник.

Это я к тому, что мы и сегодняшнее наше заседание обязательно опубликуем.

Это делается не быстро, но, как здесь справедливо говорили, это историческое накопление.

Здесь не важно, в каком веке было написано произведение или высказана мысль, важно, чтобы они не были утеряны.

Я вижу много желающих задать вопрос.

Начну с Жана Терентьевича Тощенко, члена-корреспондента Академии наук.

чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник
Института социологии РАН

Тощенко Ж.Т.: Прежде всего я хотел бы поблагодарить Карена Хачиковича за очень интересное сообщение по этой важной проблеме, которая, на мой взгляд, касается не только социальных, общественных, гуманитарных наук, но и всей науки.

У меня такой вопрос: нет ли противоречия в Ваших суждениях о прогрессе, когда Вы говорите о технике и технологии в природе или когда эти идеи применяете к обществу, к общественной жизни в том, что связано с функционированием общественных отношений?

Момджян К.Х.: Спасибо за вопрос.

Скажу Вам честно, что я особого противоречия в своих суждениях не вижу, но есть противоречие, которое существует в самой жизни.

Технологический прогресс может способствовать прогрессу общественных отношений, если улучшает качество жизни их носителей, и он же может оборачиваться самыми серьезными социальными неприятностями.

Прогресс может существовать и в том, и в другом случае, просто оценивать его нужно дифференцированно.

Мы говорим: здесь прогресс есть, но у него есть такие-то и такие-то последствия, которые нужно постараться демпфировать.

В любом случае я не рекомендовал бы никому бессмысленные попытки запретить технологический прогресс с перспективой вернуться рано или поздно в пещеры.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Алексей Саватюгин, пожалуйста.

САВАТЮГИН А.Л. – ПРОФ. МОМДЖЯН К.Х.

Саватюгин А.Л.: Спасибо, Карен Хачикович, блестящий доклад.

Я надеюсь, потом он будет издан.

Мне он особенно близок, потому что до того, как преподавать историю экономических учений, я преподавал политическую экономию.

Очень многое мне знакомо.

У меня два небольших вопроса.

Первый.

Правильно ли я понимаю, что теория прогресса как доминирующая парадигма – сравнительно свежая и сравнительно недолгая?

Она связана с эпохой Просвещения и последовавшей за ней эпохой модерна.

Это где-то конец XVIII века (Кондорсе), начало XIX века (Гегель).

И закончилось это концом модерна, то есть где-то в первой половине XX века, а дальше уже пошел такой методологический разброс.

А античность, например, не знала эпохи прогресса.

Овидий про регресс говорил, что раньше был «золотой век», а дальше все хуже и хуже.

И второй вопрос.

Вы себя охарактеризовали как умеренного методологического идеалиста.

В экономике сейчас методологический идеализм – это мейнстрим.

И мало кто говорит о себе как о холисте, кроме маргинальных каких-то гетеродоксальных экономистов.

Это с конца XIX века так признано.

Но что такое умеренный методологический идеалист?

В чем Ваша умеренность?

Момджян К.Х.: Спасибо.

На первый вопрос – да, конечно, Вы правы.

По преимуществу доминантной идея прогресса становится в эпоху Просвещения.

Хотя и в Средние века мы можем говорить об определенных проявлениях этой идеи, когда прогресс рассматривали как результат прямой интервенции Божьей воли в человеческую историю, рассчитывая на то, что Господь Бог приведет нас к лучшему еще в земной жизни.

Хороший вопрос насчет умеренного методологического идеализма.

Дело в том, что он бывает неумеренный.

Неумеренным методологическим индивидуализмом я считаю номиналистическую точку зрения, согласно которой общество не обладает никакими субъектными свойствами по той простой причине, что оно не существует как онтологическая реальность.

Что такое общество с позиций неумеренного методологического идеализма?

Это не онтологическая, а терминологическая реальность.

То есть, как говорил социолог Ярве, «общество» – это множественное число от слова «человек», точно

так же, как «армия» есть множественное число от слова «солдат».

Я отрицаю наличие у общества субъектных свойств, но я рассматриваю его как институциональную реальность, систему надындивидуальных и безличных матриц социального взаимодействия, свойства которой не сводятся к свойствам действующих в обществе субъектов.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Михаил Федорович, Вам слово.

чл.-корр. **ЧЕРНЫШ М.Ф.** – *проф.* **МОМДЖЯН К.Х.**

Черныш М.Ф.: Спасибо большое, Карен Хачикович.

Очень интересный доклад, и мне кажется, было бы хорошо, если бы он стал началом целой серии обсуждений, посвященных проблемам развития и прогресса.

Я не сторонник методологического индивидуализма, хотя очень уважаю Макса Вебера.

Все-таки в немецкой социологии есть и другие ответы на вопросы об общественной жизни.

Методологический индивидуализм до конца так и не решил вопрос о существовании общества.

А общество существует благодаря тому, что люди рождаются уже в некоторую реальность и становятся ее частью благодаря социализации.

Они рождаются в общество, даже если и не хотят этого признавать.

Иначе они просто людьми не станут.

Момджян К.Х.: Безусловно.

Черныш М.Ф.: В целом методологический индивидуализм так и не смог дать ответ на важнейшие вопросы социальной жизни.

Попытки Вебера подменить общество идеальными типами не раскрывают происхождения последних.

Как они, в конце концов, возникают?

Из какого рода взаимодействий?
Неясны критерии, благодаря которым складываются идеальные типы.

Уж очень много здесь концептуального произвола.
Но я не хотел бы сейчас обсуждать Макса Вебера, а хотел бы обратить внимание на то, что **сама идея прогресса подвержена прогрессу.**

Не то чтобы всегда понимание прогресса было одним и тем же.

Если начать с Гегеля, то прогресс, если мы говорим о социальной жизни, это прежде всего изменение отношений раба и господина.

Раб стремится к эмансипации, господин стремится сохранить свои доминирующие позиции.

Для того чтобы совершилась эмансипация раба, необходимо право.

Известны работы Гегеля, посвященные праву, они как раз и говорят о том, каким образом в современном обществе происходит эмансипация.

Речь идет о развитии правил и норм, то есть об институтах, которые мы уже упоминали в обсуждении предыдущего доклада.

Дальше – больше.

Мы видим, как Герберт Спенсер, сделавший прогресс предметом своих исследований, определил его как нарастающий процесс социальной дифференциации.

Прогресс – это усложнение социальной жизни, в ходе которого общество движется от синкретики, от

единства, от единого вождя, ведающего всем, казнящего и милующего, к системе социальных институтов, вводящих общественную жизнь в русло нормы.

Движение идет к парламенту, к президенту, к верховному суду, ко всему тому, что мы сейчас видим в любом современном обществе.

Социальная система проходит этапы дифференциации и усложнения, обретает качество комплексности.

Именно в этом, с точки зрения Спенсера, заключен прогресс.

Если следовать принципу дифференциации, то общества можно делить на типы: на те, где прогресс прошел длинный путь и привел к появлению сложных институтов, и общества, которые находятся в зачаточном состоянии, в том состоянии, которое Гоббс называл естественным.

В подобных обществах институты, имеющие принуждающую силу, слабы, а жизнь людей «одинокa, бедна, неприятна, жестока и коротка».

Следующий этап развития идеи прогресса представлен, как мне кажется, Адамом Смитом, трехсотлетие которого мы недавно отпраздновали.

Смит – блестящий ученый, доказавший, что странам не обязательно вести войны, чтобы богатеть, нет необходимости захватывать территории и богатства, принадлежащие другим народам.

Для того чтобы развиваться, нужно торговать и обмениваться производимыми продуктами.

Идея обмена сделала возможным мирное сосуществование народов, но не только.

Обмен – это еще и принцип, который будет рассматриваться как основа общественной солидарности, как способ избежания конфликта внутри каждого отдельного общества.

Думается, что апофеозом этой тенденции стала идея Канта, идея вечного мира.

Вечного мира как состояния, к которому стремится общество, к которому идет Европа.

И наконец, в настоящее время прогрессом все чаще считаются существенные изменения в культуре, так называемый цивилизационный процесс.

В какой-то степени это не что иное, как возвращение гегелевской идеи эмансипации.

Прогресс – это уменьшение насилия, уменьшение принуждения.

Если это происходит, то общество находится на пути к более гуманному, более понимающему состоянию.

Не все считают, что мы движемся в этом направлении.

Если говорить об оптимистах, то я обратил бы внимание на Стивена Пинкера и на его интересную книгу «The Better Angels of our Nature», в которой он доказывает, что XX век был самым гуманным в истории человечества, несмотря на две мировые войны.

Если взять за основу долю населения, погибшего в войнах, то в XX веке она, несомненно, будет меньше, чем аналогичный показатель в XIX веке или ранее.

С точки зрения Пинкера, мы, находясь внутри процесса, не всегда точно оцениваем происходящее, а между тем масштабы насилия в современных обществах уменьшаются.

И это, как он полагает, является одним из бесспорных доказательств того, что прогресс происходит.

Нам надо понимать, что идея прогресса не стоит на месте, его понимание расширяется, и это, по-видимому, тоже один из аспектов движения, которое мы именуем самим этим термином.

Спасибо.

Момджян К.Х.: Я хочу поблагодарить Вас.

Это очень грамотное историко-философское введение к теме, которую я затронул.

У меня не было времени на эти историко-философские дополнения, и я благодарю Вас за них.

Но по ряду вопросов не могу с Вами согласиться.

Вы говорите, что методологический индивидуализм недостаточным образом объясняет природу общества.

С этим я категорически не согласен.

Я различаю радикальный методологический индивидуализм, который ставит под сомнение институциональную реальность общества.

И умеренный методологический индивидуализм, который признает эту институциональную реальность, но просто лишает общество субъектных свойств.

Почему у общества нет субъектных свойств?

Я приведу один пример, который позволяет опровергнуть позицию методологического коллективизма.

Это история из моей жизни.

Лет 30 тому назад я собрался в летнее время отправиться в парк Тропарево, это хорошее место, где можно искупаться.

Лег, стал загорать, заснул. Проснулся от того, что рядом со мной ругались.

Шел ожесточенный спор сторонника методологического коллективизма и сторонницы методологического индивидуализма.

При этом спорящие понятия не имели об этих направлениях социальной мысли, но спорили именно на эту тему.

О чем шел спор?

Представьте себе молодую и достаточно привлекательную женщину, которая загорала без верхней части купальника, топлес.

Происходило это в 80-х, когда еще существовала советская милиция, заботившаяся об общественной нравственности.

Так вот, над женщиной стоял милиционер в форме сержанта и требовал, чтобы она надела на себя недостающую часть купальника.

И вот они ругаются между собой, и в какой-то момент женщина задает милиционеру вопрос: «Сержант,

прости меня, у тебя с половой ориентацией все в порядке?»

Сержант говорит: «А это тут при чем?»

Она спрашивает: «Ну, объясни ты мне, зачем тебе, молодому мужику, нужно, чтобы я надела на себя бюстгальтер?»

Знаете, что он ответил? Он сказал: «Мне это не нужно, это обществу нужно».

Так вот, господа, если вы найдете нечто такое, что обществу нужно, а никому из людей, живущих в обществе, не нужно, Вы тем самым блестяще докажете идею методологического коллективизма.

Я полагаю, что это невозможно.

Если говорить о других интерпретациях прогресса, скажем, о понимании прогресса как усложнения, я не согласен с таким подходом.

Согласитесь, кастовое общество Индии структурно неизмеримо сложнее современных США.

Можем ли мы на этом основании утверждать, что оно более прогрессивное?

Я не стал бы этого делать.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Член-корреспондент Российской академии наук Васильев Вадим Валерьевич.

Пожалуйста, Вам слово.

чл.-корр. ВАСИЛЬЕВ В.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ВАСИЛЬЕВ В.В.

чл.-корр. РАН, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильев В.В.: Спасибо большое, Карен Хачикович, за Ваш доклад.

У меня короткий вопрос.

Уточните, пожалуйста, можно ли рассматривать среднюю продолжительность жизни, о которой Вы говорите, как суммативный критерий общественного прогресса?

Или Ваша позиция, скорее, в том, что это один из критериев качества жизни и прогресса?

Спасибо.

Момджян К.Х.: Вадим, безусловно, вторая позиция.

Я полагаю, что это критерий совершенства или несовершенства медицины.

Васильев В.В.: И все?

Вы считаете, что там не скрываются какие-то другие моменты?

Момджян К.Х.: Является ли долголетие общим критерием прогресса?

Не думаю.

Можно долго жить в скотском состоянии, и это вряд ли можно считать прогрессом.

Васильев В.В.: Понятно, но ведь увеличение продолжительности жизни может предполагать также, к примеру, уменьшение количества убийств, войн и так далее.

Момджян К.Х.: Тогда я подумаю.

Это уже другая постановка вопроса, с которой, предположительно, можно будет согласиться, если подверстать к долголетию все параметры качества жизни.

д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

Мокий М.С.: Здравствуйте, Карен Хачикович!
Большое спасибо Вам за доклад.

Эти вопросы меня очень интересуют в связи с тем, что я долгое время заведовал кафедрой экономической теории.

Поэтому хотел понять, почему все-таки возникли экономические отношения.

С какого перепуга люди вдруг стали этим всем заниматься.

В этом смысле проблема прогресса, как совершенно верно отметил Михаил Федорович, состоит в том, что сама идея прогресса прогрессирует.

Я хотел бы задать Вам такой вопрос.

У меня на дачном участке растут деревья, яблони.

Сначала появляется завязь, которая затем достаточно хорошо формируется в яблоки.

Потом они начнут наливаться соком, появится соответствующий аромат и так далее.

Так как я еще работаю в Государственном университете управления, я знаю, как управлять этим процессом и поддерживать прогрессивные изменения в яблоках.

Понимаю прогресс так, как Вы объяснили: от плохого к лучшему.

В данном случае я просто знаю, как должно быть.

И поэтому оказываю соответствующие управленческие воздействия.

В этом смысле я наблюдаю прогресс яблока.

Есть ли у Вас, как у умеренного индивидуального методолога, объективные критерии того, чтобы оценивать развитие человечества, так как Вы сказали, что прогресс требует умения не только делать все, что необходимо, но еще и не делать того, чего делать нельзя?

Спасибо.

Момджян К.Х.: Да, объективные критерии хорошего и плохого, совершенного и несовершенного у меня есть.

Понимаете, это просто линейка, с помощью которой можно измерить некий процесс.

В какую сторону процесс пойдет, от линейки не зависит.

Поэтому никаких гарантий того, что нам удастся, используя управленческую механику, о которой Вы говорите, обеспечить движение истории в нужную для нас сторону, нет.

Здесь нет никаких гарантий. Никаких, ни малейших.

Только надежда, вера и усилия, какие нужно приложить для реализации этой надежды, чтобы общество развивалось, а не разваливалось.

Мокий М.С.: Получается, Вы говорите, что нужна линейка.

А куда идти, цели нет?

Момджян К.Х.: Совершенно справедливо.

Я рассказываю о том, как устроен автомобиль.

Куда он поедет, это уже другая проблема – понимаете?

У меня нет ответа на этот вопрос.

Мокий М.С.: В этом смысле тогда можно говорить о прогрессе в конструкции автомобиля, вот и все.

Когда Вы говорите о прогрессе конструирования автомобиля, все равно есть цель – сделать его комфортабельным, сделать его экономичным и так далее.

Всегда есть цель.

Момджян К.Х.: Цель тут тоже есть.

Вопрос, каким образом она реализуется.

Мокий М.С.: Вопрос не в том, каким образом реализуется эта конструкционная безопасность, а в том какова цель развития человечества, чтобы оценить.

Момджян К.Х.: Нет никакой цели развития человечества.

Есть цели развития отдельно взятых людей.

И если они развиваются нормально, то вместе с ними развивается и человечество.

Смысла истории, отличного от смысла человеческой жизни, не существует.

В этом моя позиция, хотя существуют и другие взгляды.

Мокий М.С.: Тогда еще один вопрос, если позволите.

Вы говорите о прогрессе человечества, тогда получается, что человек как вид сформировался количественно.

У нас есть две руки, две ноги, глаза, сердце и ум.

Причем мозг, как говорят нейрофизиологи, используется на 25%.

Может быть, прогресс будет заключаться в том, что мы начнем использовать вот эти недостающие 75%?

Момджян К.Х.: Очень хотел бы на это надеяться.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН

Спасибо за очень интересный и вдохновляющий на размышления доклад.

Меня очень заинтересовало Ваше принципиальное различие методологического коллективизма и методологического индивидуализма.

С учетом того, что есть умеренные представители, получается, что это целая шкала с двумя крайними полюсами, на которой каждый может найти какое-то свое место.

Я подумала о том, что это различие иллюстрируется не только фигурой Макса Вебера, который и считается родоначальником методологического индивидуализма, но также противоположный полюс мог бы быть проиллюстрирован его другом, Эмилем Дюркгеймом, который представлял общество как реальность особого рода, имеющую свои собственные интересы.

Представителем этого полюса можно считать и упомянутого здесь милиционера, который сказал, что «это обществу нужно».

Эмиль Дюркгейм как раз и считал, что социальные науки имеют своим предметом те самые социальные факты, под которыми, как и Вебер, он понимал ценности.

Интересно то, что, хотя они стояли на методологически разных позициях, они все-таки были друзьями, вместе издавали журнал.

И, что самое интересное, они оба были неокантианцами.

Только ценность как реальность особого рода они понимали каждый по-разному.

В конечном итоге представляется, что это противопоставление, во всяком случае в социологии, сводится к любимому противопоставлению структуры и индивида.

Структуры, которые принуждают и могут навязывать себя индивидам.

И индивиды, которые каким-то образом тоже имеют возможность оказывать влияние на структуры.

В связи с этим у меня вопрос и соображение.

Вопрос не только в том, что такое прогресс, но и в том, как он реализуется.

И тогда мы получаем две альтернативы: с точки зрения методологического коллективизма или структурного подхода – это революция, когда принципиально меняется, взламывается конструкция общества.

Либо это улучшение нравов, когда речь идет об улучшении межличностных отношений.

И соображение.

Вы говорили, что идея прогресса достаточно молодая.

Речь шла в комментариях о том, что не всегда люди думали именно об улучшении общества, его позитивном развитии со временем.

Более того, и сама идея о том, что общество может быть изменено, тоже существовала не всегда.

Первые признаки мы видим вместе с зарождением такого жанра, как утопия, в XVI веке, когда стало понятно, что, действительно, можно думать об обществе как о чем-то, что человек может изменить и улучшить.

Как Вы считаете, в какой степени идеи прогресса вообще связаны с жанром утопии как некоего представления о том, что есть идеал общества, который и является той самой целью человека?

Спасибо большое.

проф. МОМДЖЯН К.Х., акад. ТОСУНЯН Г.А.,
САВАТЮГИН, А.Л., к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б.

Момджян К.Х.: Спасибо.

Я боюсь, что все-таки какое-то небольшое недопонимание есть.

Вы говорите, что проблемы методологического индивидуализма и методологического коллективизма – это проблемы индивида и структуры.

Я с этим не согласен категорически.

Есть два разных методологических индивидуализма.

Один ни в малейшей степени не сомневается в том, что общество – это онтологическая институциональная реальность, что оно существует как система взаимных связей, как система социальных ролей, социальных статусов, поведенческих ожиданий.

Это для меня совершенно очевидно.

Другой вопрос, обладает ли эта структура субъектными свойствами, есть ли у нее какие-то собственные потребности, собственные интересы, собственные цели, способна ли она делать что-то самостоятельно.

В повседневной речи мы же говорим: «СССР запустил космический корабль».

Или: «Армения конфликтует с Азербайджаном».

Можно так говорить?

Конечно, можно, это норма литературной речи, то, что французы называют «фасон де парле», но и только.

Это манера выражения.

На самом деле никакой Азербайджан с Арменией не конфликтует.

Азербайджанцы конфликтуют с армянами.

Общество само по себе не может ни к чему стремиться, ничего желать и ничего само по себе не может делать.

Это не метафизический субъект.

Это делают только люди, живущие в обществе.

Они связаны между собой неслучайными связями.

И эти неслучайные связи и образуют общество.

Тосунян Г.А.: Объединившись, они приобретают общие характеристики.

И нельзя их переносить на индивидуальность.

Я категорический противник того, чтобы представителям какой-то национальности присваивали какие бы то ни было негативные качества и характеристики.

Каждый индивидуально отвечает за свое поведение.

Поэтому не бывает плохих или хороших азербайджанцев или армян, грузин или киргизов.

Бывают отдельно взятые достойные или недостойные личности.

Но, когда они объединяются в нечто общее, например, когда они объединяются в государство, тут уже появляются «национальные особенности» и «государственные интересы», которые в значительной степени определя-

ются власть предержащими и довольно часто противоречат интересам отдельных, а зачастую и большинства членов общества.

Национальные особенности, безусловно, присущи каждому народу в зависимости от культурного кода, заложенного длительной историей народа и условиями жизни.

Я вклинился в Ваш диалог, но смею также заметить, что не только отдельное общество отличается собственными характеристиками и особенностями в рамках государства, национального этнического объединения.

Но и человечество в целом – это некий живой организм, который развивается.

На международных организациях и правительствах крупнейших стран тоже лежит огромная ответственность за то, что происходит и может произойти с человечеством, и с Землей, на которой мы живем.

Другое дело, что до понимания этой ответственности надо дорасти, дожить.

Я не принадлежу ни к идиотам, ни к циникам, о которых говорил коллега.

К циникам – точно не отношусь, но и идиотом вроде не являюсь.

Я верю, что прогресс в том, что человечество все-таки постепенно, пусть медленно, но движется в сторону защиты прав человека и уважения достоинства личности, в сторону решения споров преимущественно методами «мягкой силы», в сторону повышения доверия и уважения к людям любого цвета кожи, национальности и так далее,

хотя многие считают это пропагандистскими трюками отдельных государств и международных институтов.

Это происходит в том числе благодаря современным технологиям, на которых строятся новые формы коммуникаций, благодаря снятию множества барьеров и ограничений, которые до этого разделяли народы по «национальным квартирам».

Человечество, как и отдельные государства, формируется, несмотря на множество противоречий, как единый организм.

Властные структуры отдельных государств, равно как и межгосударственные органы управления, международные институты, отвечающие за «здоровье» отдельного государства и человечества в целом, должны понимать (и, я думаю, понимают в той или иной степени), что на них лежит величайшая ответственность.

Их – властей государств – интерес в том, чтобы каждая часть этого организма (государства) жила в режиме здорового баланса интересов.

Иначе «нездоровый организм» неизбежно сметет такую власть, чтобы самому не разрушиться и не погибнуть.

Я уверен, что общество с низким уровнем жизни, с высоким уровнем социального расслоения и коррупции, со слабой правоохранительной и судебной системой – это заведомо нездоровый организм.

У социального организма, как и у живого, должен быть – и в подавляющем большинстве есть – инстинкт самосохранения (у кого не было или нет, те государства распались или распадаются)!

То же касается и человечества в целом, если оно не хочет самоуничтожиться.

Должен также сработать инстинкт самосохранения!

Терминологически я согласен с тем, что можно по-разному оценивать слово «прогресс», но в этом смысле движение в сторону позитива, надеюсь, имеет место быть.

Вы говорите о культурологических понятиях, о том, что это можно относить не к морали, а к нравам.

Я уже несколько раз приводил пример, когда во время «Открытой дискуссии» в университете в Уфе один профессор обратил внимание на то, что на главной дороге Мерседесы стали пропускать Жигули со второстепенной: «Вы представляете, до чего мы доросли?»

Спустя час я приезжаю в аэропорт, где меня ждет председатель республиканского национального банка.

И он за чашкой чая с гордостью делится со мной: «Представляете, Гарегин Ашотович, у нас Жигули стали пропускать со второстепенной дороги...»

То есть эффект в обществе от того, что культура водителей на дорогах республики поднялась на такой уровень, был столь силен, что в течение одного часа два ярких представителя республики, не сговариваясь, обратили мое внимание на этот приятный факт.

Мы развиваемся.

Да, можно сказать, что это меняются нравы чуть-чуть.

Но, и мораль тоже меняется в позитивном направлении.

Мораль, которая все увереннее настаивает на том, что не построишь только «на кнуте» гармоничное общество.

Согласитесь, это движение в сторону прогресса!

И Господь Бог создал человека, чтобы движение это было в позитивную сторону.

А то, что Вы называли, в том числе и многочисленные войны, это болезнь роста.

Когда организм растет, как и у ребенка можно наблюдать некоторые, в том числе поведенческие, отклонения, которые происходят в его организме.

Но если генетика здоровая и родители, и учителя нормальные, то эти отклонения через некоторое время пройдут.

А если погрузить его в нездоровую среду, болезненные отклонения будут прогрессировать.

Конечно, для общества еще надо понять и определить, кто выполняет функции родителей, учителей и в чем выражается генетический код.

Поэтому движение в том числе детерминировано в сторону позитива, но при всем том – с болезнями роста.

И все то, что сегодня происходит в мире, вся та ненормальность, которую мы видим, я надеюсь, болезнь роста, которая будет преодолена.

Другое дело, что в этот конкретный исторический период она (болезнь роста) очень дорого может нам обойтись.

Я решил так эмоционально возразить Вам сразу, но есть еще масса других вопросов, которые я задам позже.

Продолжим.

Момджян К.Х.: Я с Вами, между прочим, почти во всем согласен, за исключением двух или трех выводов, которые Вы делаете из совершенно верных утверждений.

Я просто не знаю: полемика с председательствующим допустима?

Тосунян Г.А.: Допустима.

У нас очень демократичная обстановка, как Вы могли заметить, и это считается нашим большим достоинством.

Момджян К.Х.: Понимаете, Вы говорите об эффекте синергии.

О том, что люди, действуя вместе, создают какие-то надындивидуальные структуры, которые влияют на их поведение.

Я совершенно с этим согласен.

Меня интересует другой вопрос: эта надындивидуальная структура, она субъектна или нет?

Тогда давайте так, Гарегин Ашотович, Вы сказали, что государство может действовать против интересов некоторых людей.

Тосунян Г.А.: К сожалению, не может, а действует, и довольно часто.

Момджян К.Х.: Можете ли Вы представить ситуацию, когда государство действует против интересов всех людей?

Тосунян Г.А.: Нет.

Но значительной части – может.

Момджян К.Х.: А что это означает?

Это означает, что есть какая-то группа людей, которая использует государственный аппарат для реализации собственных целей.

Госунян Г.А.: Правильно.

И Вы приводили пример СССР, когда огосударствление так понравилось верхушке, что она решила вообще не допускать частную собственность, чтобы ни с кем потом ею не делиться.

У нас и без частной собственности все государство принадлежит нам, считали правители, зачем нам с кем-то еще делиться?

И такое государство в результате развалилось.

Поэтому из Ваших же примеров совершенно очевидно, что может.

Вы очень хорошо описали, что эти достижения были благодаря огосударствлению.

Но они, к сожалению, в том числе и привели к тому, что кибернетика, генетика и ряд других отраслей науки оказались в загоне.

Потому что эти отрасли отдельные «выдающиеся» представители науки и власти своим «мудрым» решением отнесли к лженаукам.

В чем-то можно за счет огосударствления достичь выдающихся результатов.

Но в том-то и главное достоинство демократического общества и наличия в нем частных интересов.

Они умеют отражать комплексный интерес, а не отдельно взятый, например, только верхушки, которая решила, что, как Сусловы и Брежневы скажут, так оно и правильно.

Момджян К.Х.: С этим я абсолютно согласен.

Епихина Ю.Б.: Извините, что я вмешиваюсь.

Но хотелось бы комментариев про утопию и субъектность структур.

Это давний спор в социологии между марксистами и веберийцами по поводу субъектности класса.

У Маркса класс – это субъект, действительно группа, которая может быть мобилизована политически, у которой есть свой собственный интерес, и она готова к коллективному мобилизационному действию.

У Вебера класс – это абстрактная категория.

Потом Бурдьё об этом писал: «класс на бумаге» или «класс реальный».

Нет однозначного ответа по поводу субъектности структур.

Это вопрос методологический.

Любой методологический вопрос в науке решается в зависимости от предмета исследования.

Спасибо.

Момджян К.Х.: Категорически с Вами не согласен.

Вы понимаете, чем я отличаюсь от номиналистического крайнего методологического индивидуализма?

Для него не существует общественных интересов.
Не существует, и все.

Я не сомневаюсь в существовании общественных целей, в существовании общественных отношений, в существовании общественных интересов.

Я только задаю вопрос Вам и Гарегину Ашотовичу.

Скажите мне, пожалуйста, общественный интерес – это интерес общества?

Или это схожий интерес людей, живущих в обществе?

Тосунян Г.А.: Это объединенный интерес людей, живущих в обществе, аккумулированный и олицетворенный в общественном интересе.

Здесь, конечно, такой однозначной формулой не ответишь.

Вы некоторые свои тезисы очень четко сформулировали.

Но Вы их наверняка готовили и формулировали несколько лет, если не десятилетия.

Я беру «социалистическое обязательство» (помните такое понятие из нашего прошлого?) ответить на этот Ваш вопрос более точной формулой.

Кстати сказать, во время учебы на физфаке МГУ мы спорили с нашими коллегами-юристами.

И когда мы рассуждали о 6-й статье Конституции, (это к вопросу о политической системе Советского Союза), которая определяла «ведущую и направляющую роль КПСС в государстве», студенты юрфака советовали нам, физикам-ядерщикам, не лезть в юриспруденцию, Конституцию и так далее.

Они обосновывали это тем, что они, юристы, не лезут в ядерную физику.

На что я им возражал следующим образом.

Когда сидишь на кривой табуретке, которая качается под тобой, ты имеешь моральное право, не будучи плотником, выразить свое неудовольствие и констатировать кривизну табуретки.

Этим гуманитарная сфера отличается, в частности, от ядерной физики!

Поэтому мы можем быть непрофессионалами, и мои характеристики общества, социальных факторов могут быть несовершенны.

Но, если Вы мне задачу ставите, я сформулирую это в виде формулы.

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, Вы иллюстрировали мои слова уместным анекдотом.

Можно я отвечу Вам анекдотической ситуацией?

В советские времена я жил в доме 85 на Ленинском проспекте.

В подъезде у нас висело огромное объявление примерно такого содержания: «12-й подъезд дома номер 85 борется за звание подъезда коммунистического быта».

Скажите мне, может ли подъезд за что-то бороться?

Или это люди, живущие в подъезде, за что-то борются или не борются?

Ситуация с подъездом совершенно аналогична ситуации с государством.

Тосунян Г.А.: Эта аналогия не принимается.

Подъезд не субъект права.

Государство – очень серьезный субъект права!

Момджян К.Х.: Юлия Борисовна, к вопросу об утопии и антиутопии.

Я различаю прогресс и представление о прогрессе.

Утопия и антиутопия относятся к представлениям человека о прогрессе, а меня интересует прогресс как таковой.

Саватюгин А.Л.: Позвольте, вмешаюсь в эту дискуссию.

Странно, что очень интересная проблема прогресса, я так понимаю, до сих пор не решена ни в философском плане, ни в историософском.

Мы обсуждаем не это, а обсуждаем проблему методологического холизма или индивидуализма.

Мне казалось, дискуссия на этот счет сто лет назад прошла.

И более-менее консенсус был найден.

Я разделяю и пафос, и эмоции Гарегина Ашотовича, и его боль за страну и вообще за состояние человечества.

Но должен признать, что, видимо, я тоже умеренный методологический индивидуалист, в терминологии Карена Хачиковича.

Мне несколько лет назад пришлось объяснять разницу между методологическим индивидуализмом и коллективизмом одному члену Правительства, вице-премьеру.

Прогрессивный, блестящее образование. Плюс он закончил ту же кафедру, что и я, только десятью годами ранее.

И он мне рассказывал: «Алексей, вот этот закон, он в интересах банков принят.

А этот закон – в интересах легкой промышленности.

А этот – в интересах одной конкретной компании, они его лоббировали.

А этот – в интересах всей нашей страны».

Я говорю: не очень правильно, нет интересов легкой промышленности, даже нет интересов конкретной компании.

Есть интересы конкретных людей, руководителей, сотрудников.

Они могут совпадать, могут не совпадать.

Интересы всех сотрудников банковской отрасли очень разные.

Все хотят жить хорошо, долго, счастливо и богато.

Но это интересы конкретных людей.

Человек – это не только субъектность, но это и телеологическая система, система, обладающая целью.

У каждого человека есть цель, и эти цели в докладе Карен Хачикович рассказал.

А цель – что территориального объединения, что юрисдикции, что класса, что еще какой-то общности, – она расплывается, она не формируется иначе как совокупность волеизъявлений или желаний отдельных индивидуумов.

Тосунян Г.А.: Вам надо вступить в Ассоциацию российских банков, и тогда Вы поймете, что есть понятие «отраслевой интерес».

Есть понятие интересов банковской системы с целью ее развития, которые включают в себя интересы участников рынка – не только банков, но и их клиентов.

И Ассоциация российских банков постоянно подчеркивает, что мы защищаем интересы не в узком смысле банков, а интересы банков с их клиентами.

И когда мы оцениваем те или иные законы, те или иные проблемы, возникающие на рынке, мы исходим из интегрального интереса системы.

И не понимать, что это некоторый надстроечный интерес, неправильно.

Он есть, я его через себя пропускаю уже много лет.

В разделенном виде там множество противоречий между банками.

И как раз задача Ассоциации российских банков – объединить интересы банков и их клиентов, вычислить интеграл этих отдельно взятых интересов.

Так же и с обществом.

Поэтому, насчет примера с подъездом, который боролся за звание подъезда образцового содержания, подобных идиотизмов можно привести множество.

Но это крайняя форма, всего лишь иллюстрирующая, что любую мысль можно довести до маразма.

Не более того.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор

Медведев П.А.: Коллеги, академик Колмогоров А.Н. говорил: «Мы понимаем друг друга по сочувствию».

Так как мы понимаем друг друга по сочувствию, то очень важны образы, с помощью которых мы свои мысли высказываем.

За мою долгую жизнь были разные периоды.

Иногда можно было говорить и даже обсуждать вопросы субъектности общества.

Так вот, один из математиков, Юрий Тюрин, из гнезда, что называется, Колмогорова, придумал такой образ, который, по-моему, разрешает то противоречие субъектности – несубъектности, о котором Вы сейчас говорили.

Свойства общества, в частности его стремления, его цели, очень сильно зависят от того, кто держит знамя.

Мне кажется, людям, близким к Ассоциации российских банков, это совершенно очевидно.

Со многими другими обществами тоже очевидно, что этот образ замечательный.

Общество хочет и добивается того или иного, в зависимости от того, кто держит знамя.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Приятно слышать.

Пожалуйста, директор социально-гуманитарного института и заведующий кафедрой философии Самарского университета Александр Юрьевич Нестеров, Вам слово.

*д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю., проф. МОМДЖЯН К.Х.,
акад. ТОСУНЯН Г.А.*

НЕСТЕРОВ А.Ю.

д. филос. н., директор Социально-гуманитарного института,
заведующий кафедрой философии Самарского университета

Нестеров А.Ю.: Большое спасибо, Гарегин Ашотович.

Большое спасибо уважаемому докладчику.

Коллеги, просто в свете дискуссии одна ассоциация возникла, и есть один провокационный вопрос, мне кажется, очень сложный.

Ассоциация с философией техники.

В свете субъектности социальных структур, социальных форм, социальных организмов возможны ли коллективные изобретения или невозможны?

Прогресс все-таки движется через изобретения.

И наука – это в том числе социальный институт.

Но возможны ли социальные изобретения?

Или изобретение делается каждым отдельно взятым человеком?

Это, наверное, аргумент в пользу докладчика, если мы на него будем отвечать.

Скажите, пожалуйста, с Вашей точки зрения, есть ли тот или иной прогресс или хотя бы тот или иной намек на прогресс в религиозных установках?

Скажем, можем ли мы говорить о том, что Новый Завет прогрессивнее Ветхого Завета?

Можем ли мы говорить, что те или иные индуистские формы организации человеческой жизнедеятельности менее прогрессивны или, наоборот, более прогрессивны, чем, скажем, модели, предлагаемые агни-йогой?

Мне кажется, это максимально сложный вопрос на фоне примеров из технической деятельности, где мы можем легко различить техническую ценность и экономическую стоимость.

Спасибо.

Момджян К.Х.: Спасибо.

Я очень завидую Гарегину Ашотовичу, который оказался оптимистом и полагает, что мораль людей постоянно совершенствуется.

У меня есть серьезные сомнения в этом.

Но это не означает, что она не совершенствовалась никогда.

Я глубоко убежден, что все, что связано с христианством, с Новым Заветом, а не с Заветом Ветхим, является несомненным шагом в развитии человеческой морали.

Идея всеединства человека, согласно которой «нет ни эллина, ни иудея» – это совершенно грандиозное моральное достижение.

Но с тех пор человечество морально прогрессирует не так быстро, как мне этого хотелось бы.

Моральный кодекс строителя коммунизма, кстати, включал в себя вполне пристойные принципы, представляющие собой переложение библейских норм на современный язык.

Плохой была реализация этих принципов.

Тосунян Г.А.: Принцип строителей коммунизма очень серьезно объединял и вдохновлял все общество.

Главная проблема была в том, что лицемерная декларация этих принципов и их несоблюдение теми же инстанциями, которые их декларировали, вызывали скепсис по отношению к самим принципам.

Потому что, когда носителями принципов являются люди, их не соблюдающие, естественно, мы начинаем подвергать сомнению сами принципы.

Коллеги, у кого есть какие соображения, причем и по первому, и по второму докладу?

Я думаю, что они связаны, и все эти категории и суждения как раз созвучны проблемам, поднятым в первом докладе.

Второй доклад должен помочь нам, чтобы мы более глубоко прониклись тем, что является национальным ресурсом, национальной силой.

Кстати, по названию у меня возник вопрос: а не правильнее ли было бы то, что мы называем «национальная сила» и «национальная безопасность», объединить?

Хотя Вы с самого начала расшифровали, что первое – это ресурс, потенциал, а второе – это эффективное использование потенциала.

Все эти понятия, которые мы сейчас обсуждали, применимы к этой проблеме.

Почему я и поставил вопрос об эффективности системы управления как важнейшем источнике соответствующей и национальной силы, и национальной безопасности.

Потому что, если мы эти категории сумеем глубже понять, принять и соответствующим образом внедрить, чтобы они объединяли нацию, страну, интересы разных слоев, тогда у нас коэффициенты не будут на 60% отличаться от развитых стран по уровню жизни, по уровню других показателей.

Какие еще есть соображения на этот счет?

ЗАКАРЯН Г.Т. – *акад.* ТОСУНЯН Г.А.

ЗАКАРЯН Г.Т.

председатель совета директоров ОАО «Юнибанк», Армения

Закарян Г.Т.: Я хотел просто сказать в поддержку Ваших тезисов и в противовес Алексею Саватюгину.

Я даже не представляю, что было бы, если бы банки или индивидуумы думали бы только о своих интересах.

Поэтому, мне кажется, не может человек или какая-то организация, банк думать только о своих интересах.

Естественно, что думаешь и об интересах своего контрагента, своего клиента.

Тосунян Г.А.:

На днях у нас было мероприятие, на котором речь шла о некоем кодексе современного бизнесмена.

Там как раз говорилось о культуре, включающей в себя соответствующее понимание, обсуждался целый перечень вопросов, в том числе эффективные инструменты достижения позитивного результата, среди которых искренность, доверие, любовь к контрагенту...

Оказывается, современное поколение стало проникаться идеями, что для того, чтобы достичь позитивного результата, надо уметь понять мотивацию и интересы противоположной стороны.

И так ты гораздо быстрее достигнешь цели, чем если будешь делать это обманным путем.

Это на самом деле большое достижение, в том числе и с точки зрения морали.

Разве Вы станете возражать, считая, что речь здесь идет не о морали?

Вы называли это ситуативной этикой.

Можно назвать и так.

Я вынужден пользоваться такими терминами.

Но Вы знаете, когда каким-то инструментом, в том числе и этической нормой, ты длительное время пользуешься, а потом видишь, что она еще и эффективна, то ты проникаешься и становишься частью и носителем этой этики.

И в этом нет ничего плохого.

Ты уже не замечаешь, как ты этой философией проникся и стал ее носителем.

Поэтому, действительно, лучше, когда общество культивирует такие позитивные идеи, чем, идеи насилия, кнута и далее по списку.

Меня радует такой тренд.

Конечно, проблема остается.

Потому что если в этот момент вдруг на шее, не дай Бог, окажется удавка, то вы не о морали думать будете, а о глотке воздуха.

Точно так же, как если оставить без воды, вы начнете думать о воде, потом о пище.

Это согласно иерархии ценностей, по списку Маслоу.

Но если без удавки...

д. э. н. **МОКИЙ М.С.** – *акад.* **ТОСУНЯН Г.А.**

Мокий М.С.: По своему образованию я инженер-экономист по автоматизированным системам управления.

Поэтому вопросы управления для меня очень важны.

Я считаю, что современные представления об экономических отношениях имеют очень примитивный характер, базируются на классических и неоклассических представлениях о том, что люди что-то продают и покупают.

В этом смысле необходимо понять, зачем люди вообще вступают в какие-то экономические отношения.

Имеет ли это объективный характер, или мы это все придумали?

Например, правила дорожного движения – это правила поведения людей на дороге.

Естественно, это общественные правила.

Хочешь не хочешь, а нужно соблюдать, иначе ты подвергаешь опасности свою жизнь и жизнь окружающих.

Мы осознанно воспринимаем эти правила и не нарушаем в большинстве своем.

А те, кто нарушает правила, должны быть наказаны.

И для того чтобы понять, правильно ли мы идем, вне прогресса, или, как Гарегин Ашотович говорит, есть какие-то позитивные результаты, я предлагаю коллегам попробовать ответить на эти вопросы таким образом.

Представьте себе шар 1,2 метра из пенопласта.

Почему 1,2 метра?

Потому что это модель планеты в масштабе: в одном миллиметре 12 километров.

Если окуну в воду и подниму, пленка поверхностного натяжения – это будут моря и океаны.

В том месте, где я ногтем придавил где-то на один миллиметр, это будет Марианская впадина, 12 километров.

Все человечество живет в слое 0,3 миллиметра на поверхности этого шара.

На высоте в полмиллиметра вы уже жить не можете, потому что это 6 километров.

Нам говорят: «Наш лайнер летит на высоте 12 тысяч метров, температура за бортом – минус 60».

В масштабах нашей модели самолет летит на высоте всего один миллиметр над поверхностью.

Если я в сферу 8 миллиардов соберу, это будет пятнышко не больше миллиметра на сухой поверхности огненного шара, застывшей поверхности, где внутри жарко, а через миллиметр холодно.

В этой связи мне хочется спросить у философов и всех остальных товарищей: имеем ли мы субъектность?

И до какой степени эта субъектность оправдана?

Карен Хачикович говорил, что есть разные оценки.

Но, если я знаю законы притяжения Земли, а вы хотите пойти погулять и открываете окно на пятом этаже, чтобы выйти, я говорю: это нельзя, Вы упадете.

Я оцениваю ваше желание как крайне негативное явление.

Почему?

Потому что закон притяжения – это объективный закон.

Поэтому если мы поймем, что мы – фрагменты планеты, причем очень маленькие в масштабах тех сил, которые нас окружают, то сразу субъектность наша будет очень сильно ограничена объективностью законов существования планеты.

Надо познавать эти законы, и тогда мы, наверное, выберем другой вектор необходимых правил поведения в экономических отношениях, в том числе и в банковской сфере.

Мне кажется, что такое понимание роли, места человечества даст нам возможность правильно отвечать на вопросы: какова цель экономических отношений?

Что такое национальная сила?

Зачем ее надо определять, и что это дает для управления экономикой?

Мне кажется, что в самом понятии «национальная сила» есть некоторая надуманность.

Есть определение национального богатства.

Россия богаче других стран?

Да. Очевидно.

Умеем мы эффективно управлять этим богатством?

Нет. Это тоже очевидно.

Разработка механизма оценки национальной силы как меры воздействия – это, безусловно, очень интересная вещь.

Альберт Рауфович знает, что в ЦЭМИ в советское время была разработана система оптимального функционирования экономики.

Целью советской экономики было улучшение жизни.

С помощью этой системы можно было бы очень многое сделать для того, чтобы оценивать прогресс развития общества, в том числе и национальную безопасность.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Стефанович.

Если пойти по пути чрезмерного самоуничужения относительно того, что мы столь малы и столь ничтожны, то тогда можно сокрушаться и по поводу того, что и планета наша во Вселенной ничтожна, и вся Солнечная система и так далее.

Поэтому это не самый, мне кажется, эффективный способ оценки.

Все относительно, и мы, конечно, мыслим в той системе отсчета, в которой мы живем и которая на нас влияет.

Поэтому я вполне отдаю себе отчет в том, что во Вселенной, как это ни обидно, мало знают Ассоциацию российских банков.

Даже, подозреваю, что на других планетах не все ее знают.

В том числе и о нашем Научно-консультативном совете, боюсь, что за пределами нашей планеты тоже не так много известно.

Но это тем не менее не умаляет их роли и задач, которые перед нами стоят.

Я сейчас дам заключительное слово обоим докладчикам, чтобы они подвели итог своей части дискуссии.

Потом Абдусалам Абдулкеримович тоже сделает заключительное выступление, и будем завершать.

БАХТИЗИН А.Р.

чл.-корр. РАН

Бахтизин А.Р.: Прежде всего большое спасибо, Гарегин Ашотович, за приглашение, за такую продуктивную дискуссию.

За очень удачный подбор второго докладчика, выступление которого очень резонирует с тем, что я говорил в первой части.

Карен Хачикович очень правильно сказал, что имеет значение индивидуализм, и, собственно, я как специалист по моделированию могу сказать, что для нас это является сейчас краеугольным камнем – разработка модели, которая будет отвечать сложным реалиям.

Михаил Федорович в самом начале говорил, что недавно у нас была конференция по демографии, где приводились данные по оценкам ООН, прогнозы других организаций и прочее, с очень большими расхождениями.

Причем это отмечается всеми экспертами.

Например, в 30 лет 15% погрешности.

До конца века это будет практически 50%, если пролонгировать.

Возникает вопрос, почему это так.

Потому что мы видим неправильное отношение к моделированию общественных процессов: пытаются моделировать с фазовыми переходами, в частности, ООН.

Ввели субъективно три фазы.

Фаза расширенного воспроизводства населения, которая существовала до недавнего времени, по их мнению, затем фаза снижения.

И сейчас, как они называют, фаза стабилизации.

Но эти фазы выявляются на уровне экспертных суждений, которые могут быть весьма ошибочными.

Поэтому многие сейчас признают, что изначально может быть неверным подход к моделированию сложных явлений путем варьирования парочки параметров.

Меняют темпы роста, меняют суммарный коэффициент рождаемости, причем экспертно, и говорят: смотрите, к концу века будет так.

Полностью согласен со своим коллегой, что должно быть моделирование снизу вверх, которое приоткроет на самом деле взгляд на многие явления, которые нуждаются в серьезной доработке и позволят моделировать на совершенно другом уровне, если спуститься на уровень индивидуального моделирования, чего до нынешнего десятилетия, наверное, не было.

Современные методологии имитационного моделирования, в частности, агентное моделирование и прочее, появились относительно недавно.

Ставка делается сейчас во многом на эти средства.

И, по нашему мнению, возможно, это позволит более тщательно и реалистично моделировать общественные процессы.

Поэтому всем большое спасибо за очень правильные идеи, которые могут конкретизировать наш взгляд на создание моделей.

Потому что это та же национальная сила, это одно из направлений, над которыми работает наш институт.

Это всего лишь индекс, очень общий, и многие вещи, которые должны быть обязательно учтены, он не принимает во внимание.

В частности, моральный дух, уровень патриотизма в обществе.

Взаимоотношения сложные между людьми, которые непонятно, как сейчас квалифицировать, на них можно по-разному смотреть.

Должна предприниматься попытка по их формализации, в процессе которой, возможно, появятся еще дополнительные знания, которые мы будем всесторонне обсуждать.

Большое спасибо вам за такую плодотворную дискуссию.

МОМДЖЯН К.Х.

д. филос. н., проф.

Момджян К.Х.: Вы знаете, я счастливый человек, потому что я живу в России.

Россия – это страна идеократическая.

Отвлеченные, казалось бы, идеи в нашей стране весят несоизмеримо больше, чем в любых других странах.

И я поражаюсь, что у людей, занятых большим конкретным делом, сохраняется интерес к абстрактным философским проблемам, которые они с удовольствием и на высоком уровне компетенции обсуждают.

Это значит, что человек моей профессии в России никогда не останется без хлеба.

Меня это очень радует.

Единственное, я боюсь, что меня неправильно поняли.

Когда я говорил о методологическом индивидуализме, это не значит, что я индивидуалист.

Я даже больше вам скажу: я совершенно согласен с радикальным индивидуализмом.

У человека на самом деле практически нет индивидуальных интересов.

Они личные, но не индивидуальные.

Почему?

Потому что мой интерес вылечить больной зуб – это всегда интерес стоматолога помочь мне.

Мой интерес преподавателя – это одновременно интерес моего слушателя.

В каком случае мой личный интерес может стать индивидуальным?

Если я занят асоциальной криминальной деятельностью.

Во всех других случаях речь идет о взаимоналожении социальных интересов, о возникновении эффекта синергии, о котором очень хорошо говорил Гарегин Ашотович.

Но это не значит, что социальная структура обладает субъектностью.

Это все, что хочу сказать, спасибо.

Тосунян Г.А.: Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Трудно не откликнуться на такую действительно очень интересную, взволновавшую всех дискуссию.

Большая благодарность, помимо Гарегина Ашотовича, который все это задумал, и самим исполнителям, Альберту Рауфовичу и Карену Хачиковичу, за совершенно замечательные доклады.

По ходу докладов хотелось подключиться, откликнуться то в одном месте, то в другом, то в третьем, и ты не успевал, а мысль докладчиков тем временем уходила дальше.

Словом, это был какой-то завораживающий фейерверк.

Активное восприятие всего, о чем говорилось, связано, на мой взгляд, с тем, что речь идет о мировоззренческих проблемах, интересующих (по крайней мере, задевающих) всех думающих людей.

Закономерности человеческих действий имеют, если можно так выразиться, открытый характер, они не только реализуются через них, но одновременно дополняются ими.

Они не сводятся к тем вполне исчисляемым объективным факторам, которые лежат в их основе.

Человеческие действия, в которых и через которые реализуются эти закономерно собранные факторы, сами становятся одними из них.

Не имеем ли мы дело с одним из таких феноменов, когда речь идет о национальной силе?

Что это за сила – сила ли государств, или общества, является ли она суммой своих составляющих?

В философии истории XVIII–XIX веков в рамках осмысления процесса становления национальных государств было введено понятие народного духа.

Оно, например, занимает заметное место у Гегеля.

Когда говорят об очевидном случае явленности в истории феноменов такого рода, справедливо приводят победу советского народа в Великой Отечественной войне против немецких захватчиков.

Если взять критерии, которые применяются для того, чтобы измерять сейчас национальную силу, наверняка у Гитлера коэффициент был бы больше.

По всем объективным параметрам, которыми руководствовались немецкие стратеги и действенность которых была проверена успехами военных кампаний в Европе, мы не должны были победить.

Но тем не менее мы победили.

Это факт.

И пытаться объяснять, почему это стало возможным, бессмысленно.

Может быть, именно невозможность объяснить это служит основанием для появления разного рода конспирологических, мистических и прочих фантазий типа чудесной иконы, которая на самолете облетела обороняющуюся Москву и т.п.

Победа стала возможной в ситуации невозможности.

Она выше объяснений.

Люди не могут летать.
А тут полетели.

Или, скажем, Вьетнамская война.

Вьетнам, по объективным параметрам, разве он был выше и сильнее Америки?

Даже с учетом нашей помощи, других объективных факторов.

Или взять такой феномен, как Афганистан, который называют кладбищем империй.

Какую невероятную волю к независимости он обнаруживает в последние столетия?!

Можно допустить, что это понятие народного духа (национальной силы), возникающее в рамках философии истории, имеет философскую природу и не поддается строгому научному препарированию.

Сказанное тем более касается тех сюжетов, о которых говорил Карен Хачикович.

Мне как раз нравится четкость постановки Карена Хачиковича.

Ведь он говорит о простой и несомненной вещи, о том, что мышление не существует само по себе в каком-то недоступном умном месте, ноуменальном мире и т.п.

Это способ существования живого существа – человека.

Только живой человек обладает разумом.

И особенность этого живого существа состоит в том, что он как живое существо может существовать

только через разум, в сознательной деятельности и через сознательную деятельность.

Именно потому, что он является разумным.

Отключите сознание – и человека нет, нет не только как человека, но и как дееспособного живого индивида.

А что значит разум, где и как он существует?

Он существует в речи, в языке, в том, что мы обладаем способностью говорить.

Мышление, повторяя Маркса, с самого начала отягощено материей языка.

Мы пользуемся языком, чтобы нас поняли.

Разум сразу выводит нас в сообщество других людей. Он связывает нас с ними.

И отсюда тот парадокс, которым завершил свое выступление Карен Хачикович, он мне кажется правильным.

Он просто замечательный.

Человек не может иметь, как он сказал, индивидуальных интересов или личных.

Он – большой мастер разных разграничений.

Где индивидуальное, личное, а где социальное, общественное?

Провести эту границу – совсем не простое дело.

Он, насколько я могу понять, хотел сказать, что у человека не может быть своих персональных интересов, замкнутых на самого индивида и похороненных в нем.

В этом вся проблема.

Иначе человек не был бы мыслящим существом.

Необходимость мыслить как неотчуждаемая способность препятствует тому, чтобы живой человеческий индивид мог свернуться в самодостаточную живую точку.

И как он не может иметь персональных интересов, точно так же он не может в своем мышлении не доходить до пределов всего существующего.

И не имеет значения, какое место планета занимает во Вселенной.

Вся проблема в том, что какое бы ничтожное место мы ни занимали, мы, как мыслящие люди, охватываем всю Вселенную.

Недавно мы праздновали 400-летие Паскаля.

Паскаль назвал человека мыслящим тростником.

Человек действительно существо очень хрупкое и в этом смысле ничтожное.

Ничтожное, но мыслящее.

И этот признак живого существа как мыслящего, обладающего разумом мы монтируем в его определение через союз «но», а не «и».

Именно так: человек – это живое, но мыслящее существо.

И он является живым только в качестве мыслящего.

В этом, мне кажется, вся сложность, драма, трудность и одновременно предзаданность (предвзятость) наших рассуждений об обществе – в том, что человек есть живое мыслящее существо.

И именно поскольку он мыслит, он мыслит за других, для других, он так мыслит, чтобы в это пространство,

которое обозначено его мыслью, были включены другие люди.

И как он мыслит?

И он ли мыслит?

И кто этот он, который мыслит?

К примеру, Гарегин Ашотович говорит об Ассоциации российских банков.

Кто мыслит?

Он мыслит, или это Ассоциация российских банков мыслит?

Конечно, лично он мыслит.

Но он мыслит таким образом, что представляет и формулирует интересы этой банковской ассоциации, президентом которой он является.

Может быть, он правильно понимает интересы этой ассоциации, может быть, неправильно – это другой вопрос (на самом деле он, конечно, понимает правильно).

Но в любом случае мыслит именно он – как живой конкретный индивид Гарегин Ашотович Госунян.

И для меня лично ценный вывод, к которому подвели и первый доклад, и второй доклад, – это необходимость не разделять индивидуальные цели, позиции, ценности и общие цели.

Имею в виду, конечно, что само разделение на индивидуальные и общие интересы и блага имеет общественную (социальную, историческую) природу.

Конечно, высшая мудрость, или, если хотите, критерий некой чистоты нашего общественного социального мышления – в той мере, в какой вообще оно может быть

чистым, – этот критерий состоит в том, чтобы человек свое благо (интересы, выгоду, понимание и т.п.) не выдавал за благо общества (подлинное, истинное и т.п.).

Не подменял одно другим.

Это, конечно, трудно сделать, поскольку наша жизнь все-таки сейчас организована иерархически – таким образом, что одни люди руководят другими людьми.

Дело принципиально не меняется от того, что это происходит в рамках сложно организованной и подвижной системы отношений.

Коммунисты предполагают такое будущее, когда люди управляют вещами, а не людьми.

Не знаю, возможно ли это и как возможно, но достоверно, что мы сегодня очень от этого далеки.

Не так просто найти адекватные формулы, выражающие соотношение личных и общественных интересов.

Требование, которое предостерегает от того, чтобы выдавать свои личные интересы за общественные, уже устоялось и не вызывает сомнений.

При этом надо иметь в виду, что, когда человек выступает от имени общего блага, общественных интересов, он всегда выражает свою личную позицию (личное благо, интерес, выгоду и так далее).

Уточнение это является небольшим, но очень важным.

Таковы некоторые заметки, которые вытекают или навеяны прошедшей дискуссией.

Еще раз большое спасибо, Альберт Рауфович и Карен Хачикович.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тосунян Г.А.
акад. РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо. Будем завершать наше сегодняшнее заседание.

Мы уложились в 3,5 часа.

Но тем не менее несколько минут еще отниму.

Потому что так же, как Абдусалам Абдулкеримович говорил, по ходу дела хотелось вступить в полемику или прокомментировать тот или иной тезис.

Гусейнов А.А.: Гарегин Ашотович, в отличие от меня, Вы вступали.

Тосунян Г.А.: Да, виноват.

Гусейнов А.А.: Нет, это было очень хорошо.

Тосунян Г.А.: Злоупотребил своим модераторством.

Сегодня я это использовал даже активнее, чем обычно делаю.

Потому что здесь просто не мог, что называется, молчать.

Тем не менее, в заключение несколько слов скажу.

Я хочу начать со слов благодарности нашим докладчикам.

Ваше блестящее изложение давало возможность дискутировать.

Продолжу мысль, которую Абдусалам Абдулкери-мович проводил в развитие уже изложенных соображений.

Недопустимо, когда подменяют свои собственные суждения и интересы идеями и желаниями общества, это самое страшное, конечно.

Я абсолютно согласен, что такой подмены быть не должно.

Одновременно я не соглашусь с тем, что нет понятия коллективного разума.

В том числе и по поводу открытий.

Хотел бы я посмотреть, как человек сделал бы открытие, если бы, во-первых, не было всего того, что сделано до него.

Во-вторых, если не было бы коллектива и среды, в которой он обучался и занимался научной работой, даже если это абсолютный теоретик-одиночка.

У меня есть такой близкий родственник, лауреат Ленинской премии, один из двух ученых из Советского Союза, который был избран членом Папской академии.

Он «псих-одиночка», я прошу прощения, но он не обижается на меня, я его таким называю.

Он ученый до мозга костей, но он работает в одиночку.

Даже работая в одиночку, я понимаю, что ученый не может быть вне того социума, в котором он развивался.

Поэтому коллективный разум даже в естественных исследованиях является некой средой, которая дает возможность сделать гениальные выводы и открытия.

Что касается еще одного аргумента в пользу того, что мыслит отдельно взятый человек.

Мыслит человек, а не коллектив, не общество, не нация...

Тем не менее, Абдусалам Абдулкеримович, поведение толпы – это поведение не отдельно взятого участника этой толпы.

У нее своя какая-то логика поведения.

Да, кто-то может этим манипулирует, но, к сожалению, толпа является субъектом, причем субъектом со своим опасным стилем поведения.

Я понимаю, что не являюсь глубоким специалистом в этой области, замахиваюсь на мало изученную даже специалистами тему.

Мыслит только отдельно взятый человек, или отдельно взятый человек мыслит все равно, находясь в социуме, поэтому с зубной болью он одновременно выражает интересы дантиста. Хороший образ был приведен!

Здесь надо понимать, что мы все являемся одновременно индивидуумами, которые находятся в определенной среде.

Эти индивидуальные особенности корреспондируются и коррелируются с той средой, представителями которой мы являемся.

Я категорический противник того, чтобы вешать ярлыки на нации или объяснять профессиональными особенностями.

Нет хороших и плохих наций, есть хорошие и плохие армяне, хорошие и плохие грузины, хорошие и плохие

киргизы или китайцы, не в обиду никакой из этих наций будет сказано.

И нации тоже обладают субъектностью и особенностями.

Безусловно, исторически разный уровень развития, разные исторические эпизоды повлияли на соответствующий коллективный портрет.

Абсолютно разделяю мысль о том, что не только нельзя давать оценочные характеристики соответствующим понятиям и прогрессу, но и вообще от оценочности надо уходить, потому что слишком много субъективизма в оценках.

Карен Хачикович блестящие примеры приводил, эта яркость, наглядность, конечно, подкупает.

Я хотел бы особый акцент сделать на том, что, конечно, грубое насилие не окупается. Ему нет оправдания, и мне кажется, человечество до этого когда-нибудь дозреет.

И кажется, оно уже понимает, что лучше технически и идеологически доказывать свое превосходство, чем путем уничтожения людей.

Хотя и технически тоже не надо насилием пользоваться.

Пряник, безусловно, эффективнее кнута, а бегство от свободы всегда приводит в газовую камеру.

В этом смысле, конечно, сущностные ценности, вот эти понятия, они должны быть очень четко вычленены.

И на математическом уровне сформулированы.

А у Карена Хачиковича, кажется, это близко к математическим формулировкам.

Когда настолько четко из одного, другого, третьего следуют выводы.

И еще экспериментально настолько ярко подтверждены за счет «топлес» и других примеров, что эти факты являются не просто теоретическими изысками, а они имеют практическое применение.

Я думаю, мы в гуманитарной сфере постепенно подходим к таким формализованным, четко аргументированным и математически выверенным результатам.

Я в свое время думал, что естественные науки – это предел мысли, высший пилотаж.

А потом убедился, что все не так просто.

В естественных науках все относительно легко формализуется, поэтому там уже достигнуты феноменальные результаты.

А в гуманитарной сфере пойдешь формализуй.

Сначала сам пойми, чего ты хочешь.

Попробуй убеди окружающих, хотя бы свою жену и своих детей, а потом, если удастся, попробуй еще донести свои идеи до коллектива и таким образом расширить круг единомышленников.

Гуманитарная сфера, она, конечно, намного сложнее, она ближе к Богу.

Точнее, она – идущая от Бога.

Техническая сфера – это инструментарий для проверки того, чего мы стоим.

А мораль, дух и соответствующие идеи – это то, ради чего, собственно, мы живем.

Причем живем вечной жизнью.

И об этом не надо забывать, когда мы совершаем многие-многие ошибки в этом материальном мире.

Поэтому, мне кажется, это очень важные ключевые моменты, которые рождаются из такого обсуждения и позволяют нам капля за каплей развиваться и двигаться вперед.

Честно говоря, в моем мышлении намечается некий прогресс после сегодняшнего нашего обсуждения, потому что оно многовекторное, широкое, в то же время с богатыми аргументами от каждой из сторон.

Абдусалам Абдулкеримович, понимаете, Ассоциация российских банков говорит, выражает коллективные мысли, а не просто Тосунян их выражает, прикрываясь интересами банковского сообщества.

Если бы я занимался такой политикой, то это была бы конъюнктура, было бы лицемерие.

Гусейнов А.А.: Вы превратно меня понимаете.

Я сказал: это не Вы говорите, а говорит Ассоциация банков.

Что сами банки в своих потребностях и интересах таким образом себя выражают.

Тосунян Г.А.: Мне показалось, Вы сказали, что это не Ассоциация банков говорит, а говорит Тосунян.

Гусейнов А.А.: Правильно.

Почему?

Потому что банки не могут говорить, вот в чем проблема.

Они поговорили бы, но они не могут.

И Ассоциация не может говорить, я это сказал.

Тосунян Г.А.: Еще как говорит!

И с трибун различных мероприятий!

И в обращениях в вышестоящие инстанции!

И в публичных выступлениях в СМИ!

И в том числе в коллективных наших работах.

Мы специально материалы съездов публикуем как коллективный труд.

И кто бы ни говорил от имени Ассоциации, это говорит система.

Система, от имени которой ты озвучиваешь ее мнение.

Действительно, ты впитываешь материю коллективного сознания.

Если ты понимаешь, что коллективный разум тебя убеждает и тебе нужно корректировать свое мнение, потому что есть интерес системы, есть интерес контрагентов системы.

И в объединении интересов ты можешь привнести что-то полезное и поступиться своим субъективизмом, в том числе эволюционируя в осознании того, что ближе к истине.

Я часто вынужден был принимать и критику, и коррекцию.

Иначе не было бы такого длительного взаимодействия и с системой, и с Центральным банком, с которым у нас далеко не идеальные отношения.

Но вести диалог надо уметь с учетом коллективного мнения, а оно присутствует.

И разум присутствует.

Поэтому у нас с Вами, Абдусалам Абдулкеримович, получилось небольшое расхождение.

Но я Ваше мнение всегда принимаю с уважением, Вы знаете.

Это всего-навсего соображения в рамках дискуссии.

Коллеги, еще раз хочу всех поблагодарить за очень интересное и содержательное обсуждение.

**Список литературы, опубликованной
по итогам заседаний НКС ООН и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
3. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
4. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
5. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
6. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

7. Новая экономическая реальность: региональный разрез», Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
8. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы» (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
9. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 148 с.
10. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
11. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 163 с.
12. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 128 с.
13. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат; 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 148 с.

14. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 192 с.
15. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 187 с.
16. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 152 с.
17. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 145 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

**Национальная сила:
оценка и практическое применение.
Гипотеза общественного прогресса:
аргументы «за» и «против»**

**Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
24 июня 2023 года**

Выпуск № 26

Электронную версию сборника и презентацию
докладчика можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru>

Подписано в печать 12.01.2024
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 123

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. II

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.